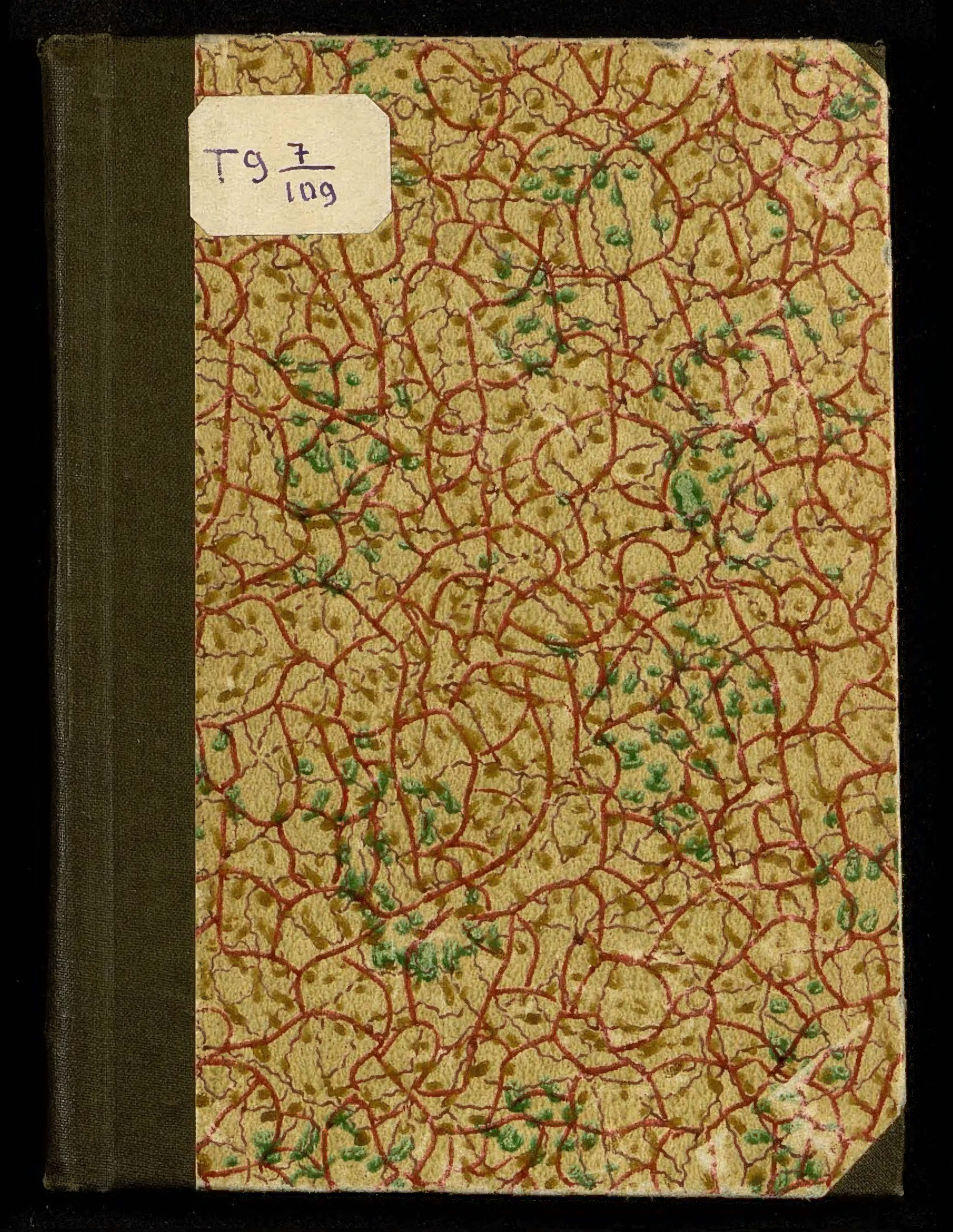
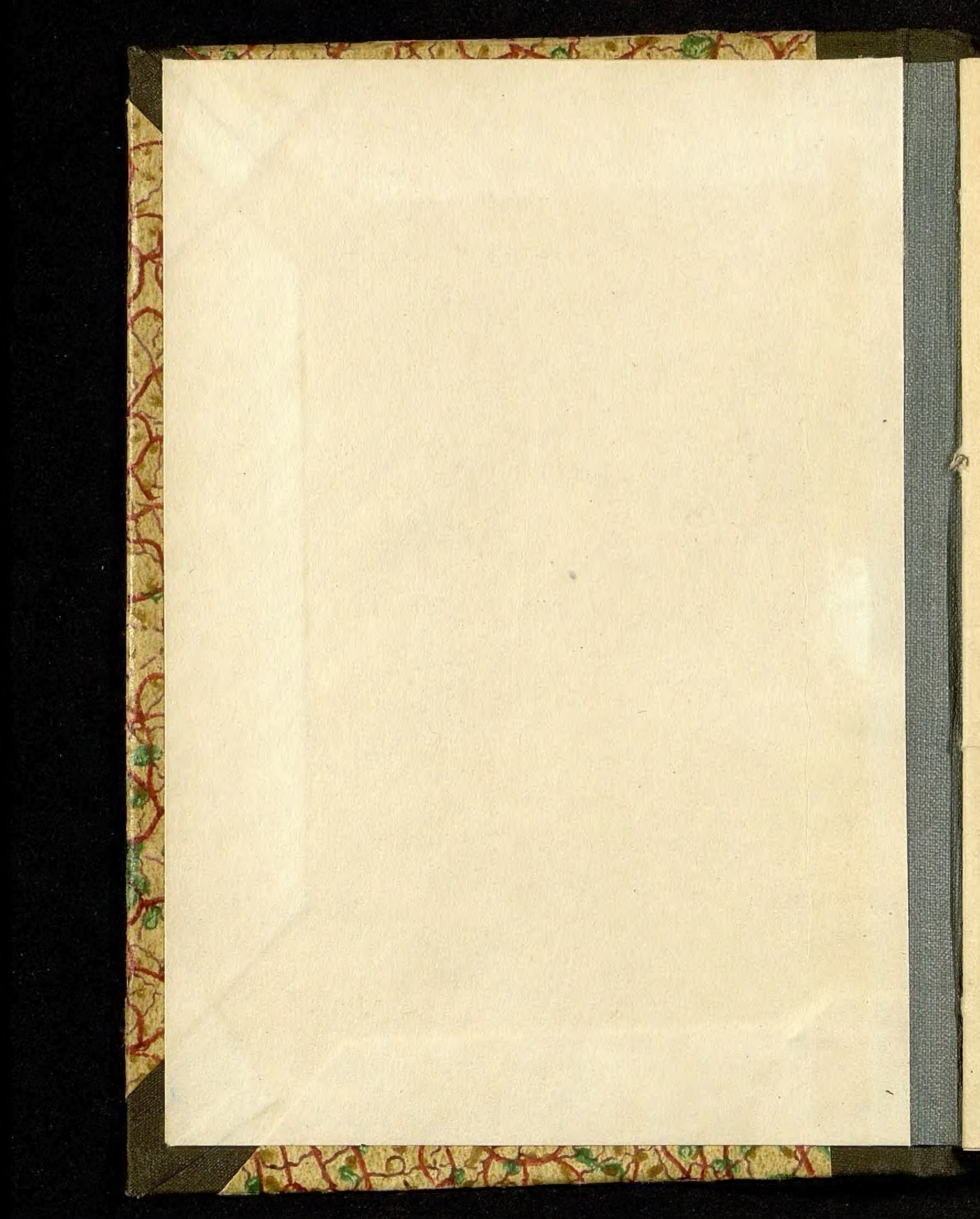
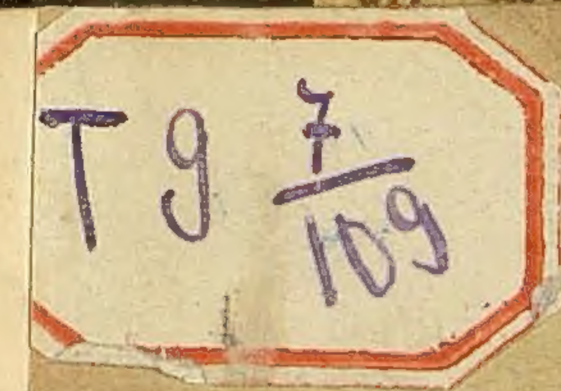

Tg 7/109

Я. КРАСТЫНЬ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(1914—1916 гг.)

М · А · И · 1932

ОГЛАВЛЕНИЕ

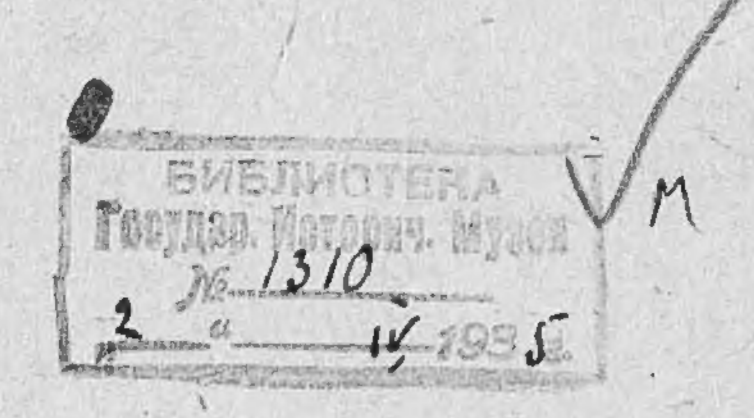
Я. КРАСТЫНЬ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН В РОССИИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914—1916 гг.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 1932

Ответственный редактор **И. Кузнецов**
Техред **А. Федоров**

Набрано и отпечатано в Типографии Международного Аграрного Института. Москва, ул. Коминтерна, 14. Главлит № В-36704. Сдано в набор 8/IX-32 г. подписано к печати 15/XI-32 г. 6 л. по 32 т. зн. в п. л. Тираж 20 000 экз.

Введение

Кровавые события на Дальнем Востоке должны привлечь к себе внимание пролетариата и трудящегося крестьянства всего мира. Не успело еще забыться то, что перенесли пролетариат и крестьянство во время первой мировой империалистической войны, как международный империализм открыто готовит новую мировую войну. Японские военные силы, вооруженные новейшей техникой, оккупировали Манчжурию и учинили кровавую бойню в Шанхае. Японские военные корабли, миноносцы, истребители, японские аэропланы и пушки разрушали в районе военных действий дотла китайские деревни и города (Тзянзян, Чапей, Усун и др.).

Буржуазно-помещичье правительство Чан-Кай-ши предало китайский народ. Оно выступает против революционной войны, предательски отказывало в помощи 19-й армии, подавляет протест и революционное сопротивление, отказывает в помощи пострадавшим от войны беженцам—рабочим и крестьянам и в то же время заключает сделки с международным империализмом по распродаже Китая, всеми мерами борясь против революционно-освободительной войны, против Советов и китайской Красной армии, единственно способных спасти китайских рабочих и крестьянство от гнета империализма.

Буржуазия других капиталистических стран снабжает Японию военным снаряжением, обмундированием, оружием, боевыми и съестными припасами, потирая руки от высоких барышей за счет крови и страданий китайских рабочих и крестьян. Международная буржуазия ищет выхода из кризиса в новых войнах, в новом пе-

ределе мира, в новой вооруженной схватке за передел колоний и зависимых стран и за счет превращения СССР в колонию.

Эта схватка в Китае является началом борьбы за раздел Китая, где скрестились противоречия главнейших империалистических хищников. Международная буржуазия лихорадочно готовится к следующему, более кровавому этапу войны,— готовится к интервенции против СССР. Под прикрытием пацифистских фраз Лиги наций о «мире», под прикрытием «разоружительных» фраз на Женевской конференции, грохотали и грохочут пушки в Китае, лихорадочно подготовляются и мобилизуются военные ресурсы в капиталистических странах и готовятся военные силы для нападения на СССР и для новой мировой бойни.

После первой империалистической войны, которая принесла трудящемуся населению всего мира неисчислимые бедствия, страдания и смерть десяткам миллионов человек, капитализм вступил в фазис всеобщего кризиса. Положение рабочих и трудящихся крестьян после войны не улучшилось, а ухудшилось. Вместо обещанного социал-демократией мира, работы, хлеба и хорошей жизни рабочие получили голод, холод, безработицу. Мелкое и среднее крестьянство разоряется, его имущество распродают с молотка за невзнос непосильных налогов, за неуплату задолженности и т. д.

Нынешний мировой экономический кризис, развертывающийся в капиталистических странах на базисе всеобщего кризиса капитализма, довел бедственное положение рабочих и трудящихся масс до крайних пределов, до физического вымирания и самоубийств. Мировой экономический кризис продолжается уже три года. За последние годы кризис небывало углубился и обострился, и его углубление продолжается непрерывно. Кризис привел к колоссальному свертыванию производства и почти к полной приостановке строительства. Кризис охватил также и область финансов. В декабре 1931 г. глубокий валютный кризис охватил 39 капиталистических стран. Расстроилась международная денежная система, и международная торговля со-

кратилась на 50%. Сильно обострились противоречия в лагере империализма за новый передел мира, за рынки сбыта и колонии. Кончилась относительная стабилизация капитализма. Достигнутые буржуазией успехи за время частичной относительной стабилизации уничтожены кризисом и растущей революционной борьбой рабочих и крестьян, оказавшей сильное сопротивление наступлению капитала. Конец стабилизации капитализма означает переход к новому туру революций и войн.

Промышленный и финансовый кризис совпал и переплелся с аграрным кризисом. В то время как в СССР на основе успешно осуществляемой социалистической индустриализации увеличивается посевная площадь, строятся гигантские хлебные фабрики-совхозы, и, в основном, в 1932/33 гг. заканчивается коллективизация крестьянских хозяйств, и на ее основе—ликвидация кулачества как класса, в это время в капиталистических транах, наоборот, сокращается посевная площадь, падает производство и потребление с.-х. машин и при меньшении по ряду культур сбора растут мировые апасы пшеницы, кукурузы и пр., как следствие недопотребления, недоедания нищающих масс. Еще весной 931 г. мировые запасы пшеницы составляли около 0 млн. квинталов. Больше, чем вдвое, упали цены пшеницу, кукурузу, хлопок, кофе и др. сельскозяйственные продукты, в частности на продукты животноводства. Ширится раствор «ножниц» между ценами сельскохозяйственные продукты и на промышленые товары. С особой тяжестью кризис обрушивается на лониальные страны, в которых цены на сырье и др. стные товары, вывозимые буржуазией империалистических государств, упали ниже цен метрополий, ибо буржуазия империалистических стран ищет выхода из кризиса помимо других путей и в усилении эксплоатации лоний и зависимых стран.

В связи с кризисом уничтожаются, сжигаются запасы, и наличии миллионов голодающих. На острове Куба ичтожены огромные запасы сахара. В Бразилии за 1931 г. с целью удержания цен от падения капиталистическими монопольными объединениями выброшено в

море 4 млн. мешков кофе. Во многих местах Индии, на острове Ява, Цейлон и в Южной Америке осталась неубранной часть урожая и т. д.

Повсюду, во всех капиталистических странах идет развернутое наступление капитала на жизненный уровень пролетариата. С одной стороны,—перепроизводство товаров, изобилие сельскохозяйственных продуктов, употребление пшеницы и кукурузы на топливо, а с другой,—снижение заработной платы, лишение пособий по безработице и аннулирование социального страхования, голод, нищета, безработица, физическое вымирание многомиллионных масс рабочих и крестьян. Число безработных в капиталистических странах превышает 40 млн. человек. Темпы роста безработицы невероятны. Но это не все. Десятки миллионов рабочих работают неполный рабочий день, при чем в число безработных 40 миллионов не входят миллионные массы безработных в колониях и безработные сельскохозяйственные рабочие. Особенно тяжело кризис отражается на сельскохозяйственных рабочих, как на слабо организованной части пролетариата. С.-х. рабочие в некоторых местах от голода вынуждены питаться мясом собак. В САСШ в 1930 г. даже во время уборки урожая 40% с.-х. рабочих не нашли себе работы. Если раньше за сбор хлопка платили 1,5 доллара в день, то сейчас платят только 50 центов, при чем труд наемных рабочих вытесняется трудом полукрепостным (отработками за аренду земли, за займы, за пастбища, луга и т. д.).

Воскрешение, известное оживление полукрепостных форм труда, обусловленное кризисом, наблюдается не только в САСШ, но и во всех капиталистических странах при росте капиталистической эксплоатации в крупнейших с.-х. предприятиях. Так, в Индо-Китае с.-х. рабочие закон ра тованы владельцами плантаций на 3—4 года и раньше этого срока не имеют права покинуть плантации. Условия работы на плантациях самые невыносимые. На плантациях имеются свои тюрьмы и полиция, которая прибегает даже к порке рабочих. Продолжительность рабочего дня на плантациях—не меньше 13-14 часов. Такая же продолжи-

тельность и для детей. Неудивительно поэтому, что смертность на плантациях достигает 50%. В Камеруне с.-х. рабочий-негр получает за целый год около 5 руб. 14 000 негров (мужчин и женщин) работают на кокосовых плантациях в принудительном порядке. Несмотря на усиливающуюся безработицу, по деревням Камеруна устраивалась настоящая охота за людьми—неграми.

И эти разбойничьи шайки «цивилизованной» американской, английской, французской буржуазии, набивающие свои карманы на охоте за людьми, на превращении с.-х. рабочего в раба, имеют еще при этом наглость заявлять о существовании якобы принудительного труда на лесозаготовках в Советском Союзе.

Ни для кого не секрет, что крики о «принудительном труде» в Советском Союзе есть одно из звеньев общей цепи подготовки военной интервенции против СССР. Достойный ответ на подлую клевету американской буржуазии о принудительном труде дали сами рабочие и крестьяне Северного края. Например, лесорубы 13-го квартала Вельского лесопункта пишут: «Мы заявляем рабочим всего мира, что принудительного труда в Советском Союзе не было и не будет. Героическая работа в лесу через ударные бригады и соревнование говорит за то, что мы работаем на себя и для себя, а не для помещика-хозяина».

Но вернемся к вопросу о положении с.-х. рабочего в капиталистических странах.

В Италии, по заявлениям самих фашистов, с.-х. рабочий занят работой, в среднем, только 100 дней в году, при чем нищенская довоенная зарплата итальянского батрака снижена на 37%, и снижение все время продолжается. Впроголодь живет с.-х. рабочий и в Испании, где 50% всех рабочих — безработные, преданные на физическое вымирание. В Польше зарплата с.-х. рабочего снижена до нищенского уровня, при чем батрак по коллективным договорам, при содействии ППС'овских социал-фашистских профсоюзов, вынуждается закрепощать всю свою семью на работу к тому же помещику или кулаку, на кого он работает. Уход к другому ка-

рается фашистскими законами Пилсудского. В тяжелых условиях живет с.-х. рабочий в Англии, что вынуждена констатировать даже правительственная комиссия, отметившая, что жилища с.-х. рабочих настолько непригодны, что являются не чем иным, как очагами различных эпидемий, туберкулеза, ревматизма и морального разложения.

Буржуазия ведет наступление и на социальное страхование с.-х. рабочих, снимая с пособия по безработице и пр. и превращая органы соцстрахования в свои органы добавочной эксплоатации и грабежа рабочих.

С такой же жестокостью буржуазия и помещики обрушиваются на трудящееся крестьянство, перелагая на плечи мелкого и среднего крестьянства всю тяжесть современного кризиса. С каждым годом неимоверно повышаются налоги, растут ипотечные долги. В Польше сумма непосредственных государственных налогов на одного жителя в 1928/29 г. по сравнению с 1911 г., как указывает тов. Корчик в своей статье «Узловой пункт нашей работы в деревне», помещенной в журнале «Коминтерн» (№ 17 за 1931 г.),—выросла на 310%! Так же быстро растут налоги и в других капиталистических странах—в Италии, Германии, во Франции, в Румынии и др. В Германии задолженность сельского хозяйства в 1931 г. превысила 12 млрд. марок. В Румынии задолженность составляет свыше 4 500 лей—на 1 га. Совершенно понятно, что задолженность бедняка и середняка еще выше, ибо средняя цифра включает землю и кулаков и помещиков. Чрезвычайно выросли налоги и ипотечная задолженность в Италии. Ипотечная задолженность одним только банкам в течение последнего десятилетия почти утроилась, увеличившись с 4 до 11 миллиардов лир. С 1914 г. до 1931 г. налоги в Италии возрасли в 10 раз, при чем только за время существования фашистской власти они повысились в пять раз. Голод и разорение крестьян все больше понижают платежеспособность парцелльного и мелкого крестьянства. За невозможностью уплаты налогов и погашения задолженности с каждым днем усиливается экспроприация малоземельных крестьян. В огромных раз-

мерах растут во всех странах экзекуции и распродажи с аукциона крестьянского имущества за неуплату налогов и долгов. Например, в Польше в 1927/28 г. экзекуций за недоимки было 12 747, за 1928/29 г. — 25 975 (увеличение на 164%), за 1929/30 г.—29 843 случая (увеличение по сравнению с 1927/28 г. на 134%). В Чехо-Словакии за один лишь 1931 год мы имеем 9 000 случаев продажи имущества крестьян за неуплату налогов. Но это лишь частица действительного положения вещей. Размах распродаж столь велик, что правительства вынуждены из-за опасения роста крестьянской борьбы объявлять моратории и пр.

Многомиллионная масса бедного и мелкого крестьянства в капиталистических странах стонет под тяжестью растущих долгов, налогов, малоземелья и разных повинностей. Неудержимо идет вперед процесс диференциации, обезземеливание, разорение мелкого крестьянства. Например, в Чехо-Словакии 60% мелких парцелльных хозяйств имеют 16% всей земли, а 8% капиталистических хозяйств принадлежит 62% земли. В Австрии 60% мелких и парцелльных крестьян принадлежит 9,6%, а 6% капиталистических хозяйств — 40% земли. В Венгрии 88% мелких и парцелльных крестьян имеют 35% земли, а 2% капиталистических хозяйств—52% земли[1].

Однако, без содействия социал-демократии буржуазно-помещичьему блоку не удалось бы проводить в жизнь свои грабительские планы. Социал-демократия обманывала и обманывает массы, она непрерывно предает их, прокладывая и расчищая дорогу фашизму. Для спасения капитализма она усиленно проповедывала теорию «организованного капитализма», доказывая якобы наличие постепенного исчезновения классовых противоречий, изменения законов капиталистического производства и уменьшения бедствий рабочих и крестьянских масс. В профсоюзах посредством экономического принуждения, через различного рода договоры, больничные кассы и др. социальные учреждения социал-демократия предает

---

[1] Из речи тов. Кнорина на XI пленуме ИККИ.

стачки, принуждает трудящиеся массы подчиняться требованиям и эксплоатации буржуазии. Проповедуя социальный мир, прикрывая грабительский характер различного рода капиталистических мероприятий, даже таких, как чрезвычайные декреты, социал-демократия в частности выбивается из сил, доказывая массам, что через сельскохозяйственную кооперацию крестьянские массы вместе с буржуазией и помещиками «врастут в социализм» без классовой борьбы.

Различные государственные мероприятия, содействующие ограблению буржуазией трудящихся масс, например, монопольные учреждения по экспорту и импорту хлеба, возглавляемые буржуазными правительствами, социал-демократия выдает чуть не за «социалистические» мероприятия, за то, что «социализм» уже проводится. Все это делается с целью отвлечь внимание от революционной борьбы, от действительной борьбы за социализм путем свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. За последнее время, когда кончилась относительная стабилизация капитализма, с.-демократические лидеры особенно прибегают к левой фразеологии. Они поговаривают о национализации земли, о социализации некоторых отраслей промышленности, даже о советской власти, но только в рамках капитализма, без свержения диктатуры буржуазии.

Существующий глубокий экономический кризис всей системы капитализма идеологи буржуазии прикрывают общими рассуждениями о якобы существующих лишь «ненормальностях» на рынке, временной депрессии и т. п. и необходимости посредством организации сбыта эти ненормальности изжить. Отсюда—созыв множества внутренних и международных конференций, на которых бесконечное количество раз обсуждаются вопросы об организации сбыта товаров, о мерах облегчения кризиса. Буржуазия великолепно понимает безрезультатность всех этих разговоров на международных конференциях о регулировании и сбыте товаров. Основной вопрос, который служит предметом обсуждения на этих конференциях, это — подготовка интервенции против СССР.

«Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, — говорит тов. Сталин, — буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР,— нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма за счет СССР, этой Страны Советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем огромном рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь в связи с экономическим кризисом». (Из доклада т. Сталина на XVI съезде ВКП(б)). Отсюда понятна и та активная работа, которая ведется по подго- готовке военной интервенции против СССР. Отсюда понятно, что война на Дальнем Востоке своим острием направлена против СССР.

Буржуазия ощущает животный страх перед успехами Страны Социализма, не знающей кризисов, перед быстрым ростом промышленности, совхозов, колхозов и ликвидацией в СССР на основе сплошной коллективизации кулачества как класса. История человечества еще не знает таких быстрых темпов роста промышленности и сельского хозяйства, какими это происходит в СССР. Если в капиталистических странах за два года кризиса промышленная продукция упала свыше чем на 33%, а по решающим отраслям—на 50-60%, то в СССР пятилетний план выполняется столь успешно, что этого не могут отрицать даже заклятые враги советской власти.

В 1931 и 1932 гг. пущен ряд крупнейших промышленных объектов, заложенных в предшествующие годы. Например, Московский автомобильный завод, Харьковский тракторный завод, Нижегородский автомобильный завод, Саратовский завод комбайнов, Уральский медеплавильный завод. Введены в эксплоатацию 79 угольных шахт с мощностью в 28 млн. тонн и электрические станции мощностью в 1 млн. клв. Пущена в эксплоатацию первая очередь Магнитогорского, Кузнецкого заводов и др. крупные промышленные комбинаты. Вместо 712 новых предприятий, намеченных пустить в первой пятилетке, пущено уже 769 предприятий, многие из которых не имеют себе равных в мире. Огромным завоеванием Со-

ветского Союза является пуск гидростанции Днепростроя имени Ленина, равной которой по ее мощности нет во всем мире. Тяжелая промышленность СССР «поставлена твердо на ноги и тем самым создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии. Одновременно с этим значительно выросла легкая промышленность, а темп развертывания пищевой промышленности намного превзошел задания пятилетнего плана»[1].

По некоторым отраслям производства Советский Союз уже сейчас догнал передовые капиталистические страны в Европе и во второй пятилетке ставит перед собой задачу — занять первое место в Европе в техническом отношении.

В капиталистических странах налицо—десятки миллионов безработных, а в СССР безработицы нет. За один лишь 1931 г. число рабочих и служащих увеличилось на 2 миллиона 200 тысяч человек. В 1932 г. увеличение числа рабочих и служащих предполагается на 3 миллиона чел. и количество их достигает 21 миллиона чел. Поднялось также благосостояние рабочих и трудящихся крестьян. Заработная плата рабочих повысилась за 1931 г. на 16%. Фонд улучшения быта рабочих и трудящихся слоев населения (страхование, строительство) за один 1931 г. составил 9,4 миллиарда руб. и дал увеличение по сравнению с 1927/28 г. в три раза. Огромные успехи достигнуты также в деле народного образования и создания кадров. В 1914 г. в начальной и средней школе обучалось 7,8 млн. детей, а в 1931 г.—20 млн., т. е. в три раза больше, чем в царской России. Во много раз увеличилось число высших учебных заведений и различного рода курсов.

В сельском хозяйстве также произошел коренной перелом. Бедняцко-середняцкие массы деревни окончательно повернули к социализму. За это говорят быстрые темпы коллективизации крестьянских хозяйств, которая в 1932/33 гг. в основном будет завершена. «Господ-

---

[1] Из резолюции XVII конференции ВКП(б).

ствующее положение в сельском хозяйстве заняли социалистические формы (колхозы и совхозы). Советский Союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники. Эта победа социализма, решающая самую важную и самую трудную задачу пролетарской революции, имеет всемирно-историческое значение»[1].

В результате огромных побед социалистического строительства как в городе, так и в деревне и в результате ликвидации в основном паразитических классов, во второй пятилетке будет достигнут значительно более быстрый подъем благосостояния рабочих и трудящихся крестьян; в частности производство предметов потребления должно увеличиться в 2-3 раза против конца первой пятилетки. Во второй пятилетке осуществляется окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, уничтожаются причины, порождающие классовые различия и эксплоатацию и создаются условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Победа социалистической системы над капиталистической, революционизирующая роль Страны Социализма во всем мире вызывают со стороны международной буржуазии лихорадочную подготовку военной интервенции против СССР. Подготовка военной интервенции против Страны Советов велась и ведется в течение нескольких лет Францией, опирающейся на своих вассалов—Польшу, Румынию, Чехо-Словакию и пр., и другими империалистическими державами. Ообую активность проявляет мировая буржуазия в подготовке интервенции именно после того, как рухнули надежды на буржуазное перерождение СССР и осуществление пятилетки стало фактом.

Буржуазия не может забыть времен Николая Кровавого, когда, помимо русских помещиков и буржуазии,

---

[1] Резолюция XVII партконференции.

русский рабочий и российские трудящиеся массы эксплоатировались и иностранной буржуазией.

«Под руководством главного организатора военной интервенции—Франции вдоль советских границ идет усиленная подготовка к войне. Обновляются и в огромных размерах расширяются в Чехо-Словакии военные заводы Шкода. Создаются новые стратегические центры, строятся новые стратегические железные дороги и укрепляются военные порты (Гдыня). Одновременно с лихорадочной подготовкой военной интервенции, идущей под руководством французской буржуазии на западных границах, такая же подготовка идет и на восточных и северных границах со стороны английской и японской буржуазии. Японцы подготовляют дивизии на ледовитых островах Хаыча, в Хокайдо, в Манчжурии, в Сев. Корее, в горах и снегах. В японской армии изучают русский язык»[1].

Оккупация Японией Манчжурии и организация там белогвардейских отрядов и т. д. лучше всего говорят о подготовке нападения на СССР. Ненависть буржуазии к Стране Советов, военные приготовления к интервенции были ясно разоблачены судебными процессами в Москве над промпартией и Союзным бюро меньшевиков. Процесс меньшевиков и контрреволюционная деятельность Кондратьевской, так называемой трудовой крестьянской партии—показали также, что самыми активными проводниками подготовки интервенции, предателями рабочего класса, шпионами, вредителями, являются социал-демократы (меньшевики), эсеры и их штаб — II Интернационал.

Опасность военной интервенции против СССР в данное время стала ближе, чем когда бы то ни было. Только революционная борьба международного пролетариата и трудящихся масс может ликвидировать интервенционистские планы буржуазии. Борьба за защиту СССР есть неразрывная часть борьбы за победу международной революции, неразрывная часть борьбы с гнетом капиталистов и помещиков,—борьбы за рабоче-крестьянскую

---

[1] Из доклада тов. Кашена на XI пленуме ИККИ.

власть. Исходом борьбы за существование СССР решается и судьба международного пролетариата и трудящегося крестьянства, решаются успехи их борьбы.

Отказ от мобилизации масс против интервенционистских планов буржуазии, путем отговорок, что в случае войны будет революция, и поэтому, мол, «не надо бороться против подготовки войны, ибо она принесет нам освобождение»,—есть наихудший оппортунизм. Это «левацкое» нежелание мобилизовать массы на борьбу против подготовки войны упускает тот факт, что без борьбы против наступления буржуазии и их военных приготовлений в мирное время не может разразиться революция и во время войны. Это полностью доказано прошлой империалистической войной.

Коминтерн указал на недостаточную борьбу со стороны революционных организаций и большинства секций КИ против подготовки военной интервенции в СССР и новых империалистических войн. Особенно слабо проводилась эта работа в деревне, среди крестьянства, где буржуазия ведет бешеную идеологическую и практическую подготовку населения к войне против СССР посредством различного рода лживой агитации (о «принудительном труде», о «советском демпинге»), распространением враждебной Советскому Союзу печати и насаждением военно-фашистских организаций.

Коминтерн отметил также недостаточную работу как в области организации крестьянских масс, так и в области руководства революционным движением крестьян, по развертыванию борьбы против налогов, ипотечных долгов, за ликвидацию феодальных остатков, военных повинностей и. д. Революционные профорганизации недостаточно возглавляют борьбу сельского пролетариата против безработицы и снижения зарплаты. Возникающие забастовки с.-х. пролетариата происходят в большей части стихийно, без достаточного коммунистического участия и руководства.

Чрезвычайно остро стоит вопрос об организации в деревне комячеек, крестьянских комитетов, революционных профоппозиции и комфракций. В связи с разгулом фашистского террора, особенно в деревнях, перед про-

летариатом и крестьянством стоит во весь рост вопрос об организации массовой самообороны. Разгулу фашистского террора, убийству революционных крестьян надо дать отпор и массовой самообороной отбить у них охоту к убийствам революционных рабочих и крестьян. Борьба должна быть усилена также и против социал-фашистов, контрреволюционных троцкистов, правых (главной опасности на данном этапе) и левых оппортунистов, являющихся главнейшим препятствием к развертыванию классовой борьбы пролетариата и крестьянства.

Ни в коем случае мы не должны пренебрегать революционными стихийными методами и стихийно возникающей борьбой крестьян. Такую ошибку допустила, например, КПЗУ, игнорирующая стихийные взрывы национально-революционного движения крестьян на Западной Украине. КПЗУ не стала во главе стихийного движения крестьянских масс против террора и оккупации Польшей Западной Украины. Широкое национально-революционное движение, развернувшееся осенью 1930 г. на Западной Украине, не нашло поддержки и в революционных выступлениях пролетариата Польши и Украины.

Особую актуальность приобретает вопрос о завоевании трудящихся крестьян на сторону пролетариата в данный момент, в момент конца относительной стабилизации капитализма. XII пленум ИККИ отметил эту особую важность крестьянского вопроса в связи с оценкой нынешнего этапа кризиса, как конца относительной стабилизации капитализма, который означает переход к новому туру войн и революций. «В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных насильственных столкновений между классами и между государствами, к новому туру войн и революций. (Тезисы XII пленума ИККИ). Именно потому, что сейчас совершается переход к новому туру революций и войн и потому, что «сроки до созревания революционного кризиса коротки» компартии должны со всей серьезностью осознать огромную важность вопроса о союзниках пролетариата в предстоящих революционных битвах. Это диктуется и той уси-

лившейся борьбой, которую проявляют буржуазные, фашистские и с.-фашистские партии за крестьянство. Они стремятся овладеть растущей революционной борьбой крестьян, чтобы ее предать и разбить, или в лучшем случае свести на рельсы реформизма. Коммунистические партии должны проявить максимум энергии в борьбе за крестьянство, за союзника пролетариата. Для этого имеются, особенно в нынешний момент,—момент конца стабилизации капитализма, вполне благоприятные условия. Наряду с революционной борьбой пролетариата в городах мы имеем бурный рост революционного крестьянского движения в деревне, принимающего в некоторых местностях массовый характер (Польша, Чехо-Словакия, САСШ, Прикарпатская Украина, Болгария, Германия и др. местах). Расширилась и забастовочная борьба сельского пролетариата, главным образом в Испании, Латинской Америке, (Гондурас, Сальвадор), Польше, Италии, Германии. Однако, не всегда и везде компартии сумели возглавить революционную борьбу крестьян, благодаря чему они во многих случаях, особенно в тех странах, где компартии не осознали еще важность крестьянского вопроса, попадали под влияние буржуазных и мелкобуржуазных партий.

XII пленум ИККИ в своих решениях дал твердую директиву секциям КИ ликвидировать отставание коммунистического руководства от революционного подъема масс. Секции КИ и все революционные организации должны обратить сугубое внимание на работу среди крестьян и усилить ее во всех областях революционной деятельности. Больше, чем до сего времени, выпятить вопросы земельные, налоговые, различного рода задолженности крестьян. Необходимо тесно увязывать борьбу за частичные требования крестьян с основными политическими лозунгами, с борьбой за свержение диктатуры буржуазии. Надо всегда подчинять поддержку борьбы крестьян против помещиков и буржуазии классовым задачам и руководству пролетариата.

XII пленум отметил, что особое внимание в данный момент нужно уделить самостоятельной организации

сельского пролетариата и деревенской бедноты. Центр
тяжести работы компартий в деревне должен быть со-
средоточен именно на этих слоях и ни в коем случае
нельзя допустить игнорирования всей важности этой
работы, игнорирования классовых интересов батрачества
и бедноты.

XII пленум ИККИ обратил особое внимание всех
секций КИ и революционных организаций на опасность
военной интервенции и подготовки новой мировой им-
периалистической войны. Средством предотвращения но-
вых войн и интервенций может явиться лишь развер-
тывание революционной борьбы среди широких рабочих
и крестьянских масс против капиталистического выхода
из кризиса. Пролетариат и трудящееся крестьянство
должны бороться за революционный выход из кризиса,
за свержение диктатуры буржуазии. В случае войны,
если буржуазия решится на нее, и пролетариату с кре-
стьянскими трудящимися массами не удастся заблаго-
временно предотвратить ее, пролетариат и революцион-
ное крестьянство должны превратить империалистиче-
скую войну в войну гражданскую, и войну против
трудящихся СССР — в войну против собственной бур-
жуазии.

«Компартии, ведя действительную борьбу против под-
готовки империалистической войны и военной интер-
венции против СССР, должны итти к рабочим с ле-
нинским учением о том, что империалистическую войну
рождает капитализм, что превращение империалистиче-
ской войны в войну гражданскую и свержение капита-
лизма являются единственной надежной гарантией про-
тив новых империалистических войн и интервенций».

Пролетариат и революционное крестьянство в России
под руководством ленинской большевистской партии
превратили у себя прошлую империалистическую вой-
ну в гражданскую. С третьей главы данной брошюры,
по документам жандармских и губернаторских донесе-
ний, а также отдельных писем, мы показываем, хотя и
недостаточно полно, борьбу крестьян в царской России
в годы империалистической войны до Февральской ре-
волюции. К сожалению, мы не успели в достаточной

степени обработать приведенный материал; все же документы говорят о той борьбе, которую вело крестьянство в России в неимоверно трудных военных условиях, когда весь мир был охвачен военным шовинизмом. Борьба крестьян шла по двум линиям: по линии борьбы всего крестьянства против помещиков и крепостнических остатков и по линии борьбы пролетариата и бедноты против алчной эксплоатации и грабежа мироеда-кулака и торговца.

Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны, шедшая под гегемонией пролетариата и под руководством Ленинской партии, указывает эксплоатируемым массам деревни в капиталистических странах путь революционного выхода из кризиса, путь превращения империалистической войны в войну гражданскую.

I. Политика царского самодержавия в отношении крестьянства и угнетенных народностей

В 1905 году революционная борьба в царской России развернулась не только в городе, но и в деревне. Многомиллионная масса крестьянского населения, вслед за борьбой рабочих в городах, выступала под руководством пролетариата против помещиков в деревне. Осенью 1905 года больше трети уездов во всей стране было охвачено крестьянскими восстаниями. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы, отнимали у них землю и инвентарь. В 1905 году было разгромлено и сожжено около 2 000 помещичьих усадеб. «К сожалению, — указывает В. И. Ленин, — эта работа была слишком мало основательна. К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного земледелия. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»[1].

Царское правительство, под страхом быть сметенным новой революционной волной, новыми ударами пролетариата и крестьянства, поспешило создать себе в борьбе с революцией опору в деревне, осуществляя знаменитую столыпинскую реформу. Проводившуюся ранее политику сохранения общины путем различных мер внеэкономического принуждения правительство заменило поли-

[1] Ленинский сборник, т. V, стр. 43.

тикой разрушения общины, создания крупно-кулацкого слоя собственников, способных стать оплотом самодержавия против революции. Еще в начале 1890 г. во время аграрного кризиса правительство (законом от 14 декабря 1893 г.) запретило выход из общины; указом же от 9 ноября 1906 г. каждому домохозяину, владеющему надельной землей на общинных правах, предоставлялось право требовать закрепления за собой в собственность его надельной земли.

Сельская община уже давно не представляла того «идеального» компактного целого, о котором мечтали народники. Она разлагалась под влиянием растущего капитализма, население ее было диференцировано, классовые противоречия в ней обострились, но интересы крестьянства, в целом, как класса, были направлены против помещичьего землевладения.

Крестьянство, как указывает Ленин, боролось за революционный путь развития сельского хозяйства, выступая против реформистского прусского пути развития, проводимого помещиками и крупной буржуазией.

Революционная борьба крестьян в революцию 1905 г., когда крестьянство активно выступало и боролось под руководством пролетариата за конфискацию помещичьей земли и уничтожение крепостнической кабалы, разгромы и поджоги помещичьих имений, революционные выступления представителей крестьян в 1-й и 2-й государственной думе — ясно показали, что крестьянство стоит за революционный путь устранения всех крепостнических остатков, за «американский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве.

Это поняло и дворянство. Помещики, чтобы предотвратить революционный слом крепостнических остатков, распрощались с иллюзиями о «патриархальности» русского мужика, о его «консервативности», и повели по отношению к крестьянской общине буржуазную политику — встали на путь более решительной расчистки дороги капитализму. Они отдали общину на разграбление мироедам-кулакам, на которых царское самодержавие надеялось опереться в деревне в борьбе против дальнейшей революционной опасности.

Указ 9 ноября 1906 г. всецело был направлен на слом старого крестьянского земледелия. Эпоха «столыпинщины» знаменует собой второй шаг после земельной реформы 1861 года по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию, — эпоху, когда «крепостники, — как говорил Ленин, — самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту буржуазную политику».

Но было бы большим упущением не видеть разницы между революционным сломом остатков крепостничества буржуазно-демократической революцией и бюрократическим сломом помещиками крестьянской общины. Крестьяне в буржуазно-демократической революции боролись под гегемонией пролетариата за «американский путь» развития сельского хозяйства, за окончательный слом помещичье-крепостнического землевладения, за безвозмездную конфискацию помещичьей, церковной и удельной земли. Разрешение аграрного вопроса составляло одну из центральных задач первого буржуазно-демократического этапа революции. Но революция, при условии ее успешного развития, не ограничивалась бы только первым этапом. Ленин и большевики, вопреки наглой троцкистской клевете, исходили из задач необходимости перерастания первого буржуазно-демократического этапа в социалистический. Останавливаясь на размежевке сил на первом этапе революции, необходимо указать, что на другом полюсе — полюсе контрреволюции стояли помещики и буржуазия, которые, учтя удары, нанесенные революцией, взяли линию на ускорение слома старого средневекового быта в общине при сохранении земли и власти в руках помещиков. Помещики от этой ломки ничего не должны были терять, зато отдавались на разграбление бедняцкие и середняцкие слои крестьянства. Столыпинская реформа означала десятилетия мучительного голодного вымирания многомиллионной крестьянской массы, мобилизацию крестьянских общинных земель в руках отдельных деревенских богатеев-кулаков, создание за счет грабежа крестьянских бедняцких и середняцких масс крепкого слоя сельской буржуазии (гроссбауэров). На этот слой

царизм надеялся опереться в дальнейшей борьбе против революции и этому слою — кулакам он отдал деревню на разграбление.

Указ 9 ноября 1906 г. дал последнюю отсрочку старому помещичье-крепостническому землевладению, но не разрешил сложившихся в деревне противоречий, а обострил их. Это был, как говорит Ленин, последний клапан, который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения. Царское самодержавие усиленно насаждало хутора и отруба. Общее число хуторов и отрубов на 1 января 1916 г. по всей Европейской России составило 4 714 651, с земельной площадью в 15 254 420 десятин. 12 231 910 десятин из этого общего количества составляло надельную землю сельских общин, 2 942 313 десятин — крестьянского банка и 222 166 десятин — казны.

Незначительный процент хуторизации земельной площади за 9 лет столыпинской реформы в отношении всего земельного фонда России (280 миллионов десятин годной земли) служит лучшим доказательством того, что столыпинской реформе не удалось «европеизировать» русскую деревню, не удалось устранить крепостнических пережитков хозяйства. Главная основа крепостнической кабалы — монопольная собственность помещиков на землю — продолжала существовать. 28 тысяч помещиков имели 70 миллионов десятин земли, тогда как 10 миллионов крестьянских семей имели почти столько же. Столыпинская земельная реформа не устранила ни кабалы, ни отработков — этих старых крепостнических пережитков. Продолжали существовать и другие виды закабаления — ссуда денег под работу, ссуда хлеба, предоставление пользования лугами, выпасом, лесами, дорогами и т. д. Бо́льшая часть крестьянских масс продолжала обрабатывать на кабальных условиях помещичью землю своим нищенским, убогим инвентарем. И неудивительно, что весной 1912 г. около 30 миллионов крестьян голодали. Помимо помещичьей эксплоатации крестьян эксплоатировали банки и государство, которые в невероятных размерах подняли цены на землю и повысили налоги. «Крестьянский» банк на втридорога проданной земле

нажил громадные суммы. За 6 лет (1906—1911 г.) один миллион крестьян купили при помощи крестьянского банка 7 миллионов десятин земли. Заплатили за эту землю 879 милл. руб. — по 125 рублей за десятину. В огромных размерах увеличились также налоги. За 20 лет с 1893 по 1913 г. налоги на душу населения увеличились с 9 до 19 рублей, — больше чем вдвое. Если в 1893 г. крестьянская семья в шесть душ платила налогов 54 рубля, то в 1913 году она уже платила их 114 рублей[1].

Следовательно, земельный вопрос в России остался не разрешенным. Его могли разрешить не помещичьи реформы, а лишь последовательная революционная борьба крестьян под гегемонией пролетариата. Как мы знаем, земельный вопрос в России был разрешен пролетарской революцией в 1917 году, которая походя разрешила задачи буржуазно-демократической революции, конфисковав помещичью, казенную и церковную земли, наделила крестьян землей и освободила их от долгов, налогов, арендной платы и т. д.

Если аграрная реформа Столыпина имела своей непосредственной целью создать в деревне «крепкого мужика», то проведение этой реформы, сопровождавшееся бесчисленными актами насилия, не могло не вызвать и обострения классовой борьбы в деревне и революционизирования широких крестьянских масс.

Проведение в жизнь указа 9 ноября вызвало массу непрекращавшихся крестьянских волнений, которые продолжались все время столыпинской реформы вплоть до Февральской революции. Крестьяне защищали себя от ограбления поджогами хозяйств хуторян, избиениями и убийствами кулаков и царских чиновников. Расстрелами, высылкой, поркой и нагайкой подавлялась революционная борьба крестьян.

Столыпинская реформа ускорила диференциацию крестьянства на бедноту и сельскую буржуазию. Масса малоземельных крестьян разорялась, превращалась в про-

---

[1] Цифры взяты из воззвания «Земельный вопрос в России», выпущенного Бернской комиссией помощи пленным.

летариев, а зажиточное крестьянство за их счет богатело и укрепляло еще прочнее свои хозяйства. Вместе с усилением диференциации деревни обострились классовые противоречия в крестьянстве между сельским пролетариатом и беднотой, с одной стороны, и сельской буржуазией,— с другой. Обострились противоречия и между помещиками и крестьянством. Царскому самодержавию не удалось заглушить революционную борьбу крестьян. Она продолжалась и в годы реакции и подъема, хотя не с такой силой и не в таком объеме, как в революцию 1905 года. Революционная борьба крестьян не прекратилась и в годы войны, несмотря на то, что царское самодержавие с удвоенной энергией стремилось обеспечить в стране полное «спокойствие».

Война усилила диференциацию крестьянства и обострила классовый антагонизм внутри его. Но одновременно обострила и антагонизм между крестьянством и царским самодержавием и помещиками. Война обрушилась со всей тяжестью на основные массы крестьянства (бедноту и середняков). Военные мобилизации мужского рабочего населения, реквизиции за бесценок рабочего и рогатого скота, рост налогового гнета и кабалы, рост цен на товары, безземелье и остатки крепостничества в сильной степени ускорили разорение бедняцких и середняцких масс крестьянства.

Для ведения войны царскому правительству требовались многомиллионные армии. Деревня явилась тем резервуаром, откуда оно черпало пушечное мясо для войны. Из 18 миллионов полнорабочих мужчин деревни (20—50 лет) в 1914 — 1916 г. было призвано на войну свыше 11 миллионов человек, т. е. 75 процентов всего состава армии дала деревня.

Оголение деревни от мужской рабочей силы тяжело отразилось на бедняцком и середняцком хозяйствах. Тяжесть полевых работ взваливалась на плечи женщин, стариков и детей. Реквизиции рабочего и рогатого скота, разбазаривание за бесценок убогого сельскохозяйственного и домашнего инвентаря бедноты и середняка еще больше ухудшили условия их работы.

С уходом на войну многие из бедняков, не имея никаких средств на дорогу и на самое необходимое, распродавали по дешевой цене скот и сельскохозяйственный инвентарь. Кулаки использовали создавшееся безвыходное положение бедноты, закупали скот у бедноты по дешевой цене и таким образом заполнили причиненный им реквизициями недостаток в рабочем скоте.

За годы войны до Февральской революции война пожрала около трети всего рабочего и рогатого скота в России, что не могло не увеличить процента безлошадных и бескоровных дворов. В воззвании «Земельный вопрос в России», выпущенном Бернской комиссией по оказанию помощи пленным, указывается, что в Уфимской губернии процент безлошадных и однолошадных дворов за 1911—1916 гг. увеличился с 48 до 54. В Саратовской губернии только за первый год войны (1914—1915) число безлошадных хозяйств увеличилось с 95 до 105 тысяч, а бескоровных — с 92 до 97 тысяч. В других губерниях разорение достигло еще больших размеров.

Колоссальное уменьшение в деревне, в результате войны, а местами и полное отсутствие взрослой мужской рабочей силы, реквизиция рабочего и рогатого скота, разбазаривание сельскохозяйственного инвентаря — не могли не вызвать сокращения посевной площади. И сокращение посева шло за счет бедняцких и середняцких хозяйств. Оно являлось одним из показателей их разорения. По данным министра земледелия, Наумова, посевная площадь главнейших хлебов в России (рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овес) в 1914 г. по сравнению с 1913 г. снизилась на 6,5%, а в 1915 г.—на 10,3%. Данные министра земледелия далеко не соответствуют действительности. Ближе к истине подошел депутат гос. думы Дзюбинский, в своем выступлении на заседании государственной думы определивший недосев в 1915 г. на 15%, а во многих местах и на 40%. Из крестьян больше всего недосеяла беднота. Земля разоряющейся бедноты попадала через покупку или аренду в руки кулака, который в некоторых губерниях в годы

войны даже увеличил сев. Посев увеличили также капитализировавшиеся помещичьи хозяйства.

В то же время, когда на фронте во имя защиты интересов частной собственности, интересов помещиков и капитала, убивали, калечили миллионы трудящегося населения, а в тылу царили голод и нищета, буржуазия, громче всех призывавшая население на защиту «отечества» и на пожертвования для войны, повышала цены на товары, наживалась вместе с помещиками и кулачеством на поставках в армию, на спекуляции хлебом и пр. В огромных размерах повышались цены на сельскохозяйственные машины и орудия производства. Молотилка, которая в 1913 г. стоила 200 руб., в 1916 г. поднялась в цене до 900 руб. Плуг, за который в 1913 г. платили 5 рублей, в 1916 г. стоил 20 рублей. Помещики, буржуазия и кулаки в годы войны невероятно высоко подняли также цены на предметы первой необходимости, в том числе и на с.-х. продукты. Они вели самую бесстыдную спекуляцию, не считаясь с голодом в армии, в промышленных центрах среди пролетариата и в деревне среди бедноты. С помощью земских совещаний, где время от времени вырабатывались цены на главнейшие продовольственные товары, помещики вздували цены, показывая себестоимость обработки земли в 2-3 раза выше действительной себестоимости. По сводке Самарской губернии, себестоимость пуда ржи определялась в 65-70 коп., а временная твердая цена была установлена в 1 р. 30 к. (100% прибыли). К октябрю 1917 г. цены на рожь в нечерноземной полосе выросли на 1000%, в черноземной — на 1140%.

Буржуазия, помещики, кулаки прибегали и к другому, более радикальному средству для вздувания спекулятивных цен на хлеб — к невывозу хлеба на рынок, что привело к ажиотажу и к образованию «хвостов» у продовольственных магазинов. Клейнборг в журнале «Современный мир» за февраль 1916 г. пишет: «Известия о сокращении хлебных сделок поступают буквально отовсюду. Как сообщают газеты, в Донецком районе бездействуют 30 или даже 40% мельниц средней мощности. На Харьковской хлебной бирже, несмотря на хорошую

погоду и окончание работ по уборке хлеба, нет сделок. Владельцы воздерживаются от продаж... На хлебном рынке Саратовской губернии подвоза нет. 19-го сентября по обычаю должен был быть привоз хлеба на хлебный центр, Николаевск. Но хлебная площадь оказалась пустой... На местные хлебные рынки в Самаре, Ялте, в Уфе, в Сибире (в Челябинске и Троицке), в Тамбове и в Киеве недоставало хлеба и образовались «хвосты». Рабочие и беднота в деревне голодали, а буржуазия вела через банки спекулятивные операции с хлебом, закупала и держала одинаково с помещиками на складах огромные запасы хлеба, взвинчивала цены, одновременно посылая на фронт на невыносимые страдания и смерть миллионы рабочих и крестьян. Чтобы замести следы своей спекуляции, помещики и буржуазия пытались доказывать, что виновником этих затруднений является якобы обогащение деревни во время войны. Деревня, как утверждали буржуазно-помещичьи прохвосты, разбогатела от продажи инвентаря, рабочего и рогатого скота, от казенных пайков (пособий семьям мобилизованных) и прекращения продажи водки. Она, мол, накопила огромные суммы и поэтому не нуждается в продаже хлеба. Протопопов, этот помещичий зубр, в своей речи в гос. думе 30 сентября 1916 г. доказывал, что закрытие продажи водки и выдача казенных пайков дали деревне миллиардные суммы.

Это форменное издевательство над трудящимися крестьянскими массами помещики и буржуазия выдавали за причины продовольственных затруднений. Об обогащении деревни вообще не могло быть речи. Беднота и середняки в годы войны еще больше разорялись. За проданный по дешевой цене жалкий инвентарь она получала ничтожные суммы в виде обесцененных бумажных кредиток и купонов от государственных займов. Середняки также разорялись. Они не имели запасов хлеба и являлись вместе с беднотой основным резервуаром, откуда царизм черпал пушечное мясо для войны. Что касается ссылки на обогащение деревни якобы от казенных пайков, то это наглое лицемерное заявление нисколько не соответствует дей-

ствительности. Каждая солдатская семья получала в виде пайка, в среднем, меньше пяти рублей в месяц на всю семью. Если учесть еще падение курса рубля и разницу в нормах пайков по районам, то эта общая средняя цифра для деревни еще понизится. И это жалкое подаяние помещики с буржуазией выдавали за источник «обогащения» деревни и вместе с тем за причину продовольственных затруднений.

Таким же лицемерием и ложью пропитано утверждение о якобы громадных сбережениях крестьян (600 млн. руб. в год) от прекращения продажи царским правительством водки и пива. Совершенно замалчивался необычайный рост в годы войны варки самогона, на котором наживались шинкари и кулачество. Употребляя самогон, крестьяне расходовали на него не меньше, чем до войны на водку и пиво.

Господствующие классы, повторявшие на сотни ладов сказки об обогащении всей крестьянской массы за счет пайков и прекращения продажи водки, ни словом не заикнулись о громадном повышении за годы войны различного рода налогов. Потеряв доход от продажи спиртных напитков, составлявший до войны 700 млн. рублей в год, царское правительство ввело в течение войны новые налоги на сумму 1 051 млн. руб.

Нужны ли еще доказательства всей лживости и лицемерности утверждений господствующих классов об обогащении деревни вообще за счет пайков, реквизированного скота и прекращения продажи водки? Совершенно ясно, что этими лицемерными фразами прикрывались грабеж, спекуляция и нажива, обогащение эксплоататоров — помещика и кулака. Эти слои населения деревни наживались за счет разорения трудящихся крестьян. Наживаясь на спекуляциях, помещики и кулаки прибегали к жестокой эксплоатации оставшейся в деревне рабочей наемной силы — женщин, стариков и детей, батраков и бедняков. Принудительным порядком эксплоатировались военнопленные и беженцы. Военнопленным платили лишь 6 рублей в месяц, при чем кормили хуже скотины.

В целях эксплоатации попавшей в тяжелые условия беженской массы при губернских и уездных управлениях создавались беженские комитеты, которые устанавливали плату за труд беженцев наравне с платой за труд военнопленных. Лебедянский беженский комитет установил за труд мужчин поденную плату в 60 коп., месячную — в 8 рублей, за труд женщин — поденную плату — 30 коп., месячную — 3-4 рубля. Нежелавших работать за эту плату лишали жалких казенных пайков. Иногда, как, например, в Калужской губ., мобилизовали всех свободных от сельскохозяйственной работы, в возрасте от 15 до 50 лет, на работу в помещичьих хозяйствах. Совершенно понятно, что в эту категорию попали главным образом беженцы.

Все эти факты наглядно разоблачают сейчас те лживые утверждения, при помощи которых буржуазия и помещики капиталистических стран, готовя новую бойню, хотят обмануть трудящихся деревни, а именно — утверждения, что война принесет крестьянству, задавленному кризисом, не только облегчение, но, мол, и обогащение от подъема цен. Ясно, что эта форма «обработки» масс должна последовательно разоблачаться.

В целях прикрытия главных виновников продовольственных затруднений, помещиков и буржуазии,—виновников разрухи транспорта и всей хозяйственной жизни страны, которая под тяжестью империалистической войны и военных неудач с каждым днем быстрее шла к катастрофе, царское правительство прибегало и к другим мероприятиям. Когда начались военные неудачи и хозяйственная неурядица, царское правительство вытащило из своего арсенала свой излюбленный метод — травлю других народностей и евреев. На это мероприятие царское самодержавие надеялось больше, чем на мероприятия экономического характера.

Под прикрытием борьбы с «немецким засильем» и возрастающей дороговизной, оно стремилось направить возмущение народных масс с действительных виновников тяжелого положения на другие народности. В государственной думе правыми произносились провокационные речи о «немецком засилии». Эти речи и всякие другие

ложные слухи распространялись губернаторами по всей стране. В своих отчетах департаменту полиции они с большой аккуратностью ежемесячно отмечали «настроение населения» по отношению к немцам и евреям. Виновниками «немецкого засилья» правые избрали трудящихся немцев-колонистов, отлично понимая свое классовое сродство с немцами-помещиками. Депутат думы, Хвостов, (позже—министр) в своем выступлении на 5-м заседании четвертого созыва 4-й гос. думы по поводу «немецкого засилья» выразился так:

«Вы знаете, господа, что с воцарением Вильгельма II в Германии пронесся лозунг: немецкий дух ищет мирового владычества... Многие земства, гг., попали в руки колонистов; колонисты получали влияние и при выборах в государственную думу (голос справа: «браво!»). И вот, гг., вместе с тем одновременно количество этих колоний и количество земель, захваченных у русского народа, скажу я, росло неимоверно, и в то время, когда русские крестьяне переселялись на Урал, в Сибирь, в тайгу, здесь, на средства немецких колониальных банков заведомо увеличивалось немецкое землевладение. Гг., я опять повторяю,—нам нужны эти комиссии (комисии борьбы с «немецким засильем», — Кр. Я.), чтобы народ увидел, что та государственная дума, которой он верит, взяла в свои руки вопросы о немецком засильи и о дороговизне жизни; и только тогда, когда мы возьмем эти вопросы в свои руки и когда русский народ будет видеть, что мы их держим в руках, только тогда наступит то спокойствие, которого мы все желаем... Оно, правительство, не прибегает к репрессиям, оно оставляет население в полной власти хищников, работающих на немецкие капиталы, а потом удивляется, что население волнуется».

Хвостова торопился поддержать черносотенец, харьковский поп Станиславский. Слушайте! — «Немцы еще 40 лет тому назад послали в нашу страну своих проповедников, распространяли свою антиправославную литературу и насадили у нас то учение, отрицающее догматы православной церкви, каноны, обряды и иерархию,— то учение, которое ныне исповедуется сектан-

тами, так называемыми штундистами и адвентистами. (Голос слева: «Стыдитесь, батюшка!»).

Помещики ясно сознавали, к чему может привести народное недовольство катастрофическим положением страны, созданным господствующими классами. Классовое чутье их не обманывало. Нужен был громоотвод, чтобы спасти свое господство и земельные владения. Милюков, этот ретивый защитник империалистической войны, в полемическом пылу в своем выступлении выболтал действительные цели помещиков, связанные с борьбой с «немецким засильем». Приведем это место из его выступления: «Не далее, как 4 ноября 1914 г., происходил интересный разговор между бывшим министром Маклаковым и одним из членов гос. думы. Я не буду говорить,— каким. Маклаков сказал этому члену гос. думы, что Екатеринославскую губ. он потому включил в сферу действующего известного закона о ликвидации (ликвидации земель немецких колонистов,— Кр.), что чл. гос. совета Струков убедил его, что эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков и от кадетских отчуждений».

Если отбросить последние слова «кадетских отчуждений», которые Милюковым пущены для обмана крестьянских депутатов, то в этих немногих словах бывшего министра Маклакова скрывается действительная сущность криков о «засильи» немецких колонистов. Страх перед народной революцией беспокоил помещиков. Чтобы не потерять свои земельные поместья, помещики ограбили трудящихся немецких колонистов, проживающих в России 150 лет, надеясь отвратить этим удар от помещичьих имений. Всего было отобрано в 1915 г. земли у немецких колонистов 3 256 033 дес.

Беспредельные издевательства, мучения, гонения и погромы перенесло в годы войны также еврейское население. Евреев сотнями тысяч высылали из пределов прифронтовой полосы. Из Ковенской губ. были высланы 150 000 ч., из Курляндской — 30 т., из Гродненской — 60 т., из губерний Польши до 200 тыс. Высылка сопровождалась грабежами, погромами и различными издевательствами. Военными штабами давалось от 1 до 2 ча-

сов времени для выезда из местожительства, при чем по дороге обходились с ними хуже, чем с арестованными. Например, поезд, шедший из Посвали (где население было выслано в течение 2-х часов) шел до Унечи 10 суток и ни разу не открывался. Никто в поезд не допускался, при чем большинство выселенцев-евреев было в полуживом состоянии. В других, несколько отдаленных от прифронтовой полосы местностях, евреи брались в качестве заложников. В Полтаве, Екатеринославле, Могилеве в тюрьмах, под страхом смерти, находились около 400 заложников. Что это действительно так, подтверждает приказ главнокомандующего фронтом: «Главнокомандующий допускает применение поголовного выселения только в исключительных случаях и считает необходимым взять заложников — правительственных раввинов и богатых евреев с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения, заложники будут повешены. Представить мне список лиц, которые могли бы быть заложниками».

Травлей евреев царское правительство стремилось отвлечь внимание населения от крупных военных изменников — военного министра Сухомлинова, Мясоедова, полковника Иванова, генерала Григорьева, сдавшего крепости Ковно, и др., что усилило и в армии и в населении страны враждебное отношение к высшему командному составу и царскому правительству. Надо было прикрыть также главных виновников разрухи страны в лице помещиков и буржуазии. Как по поводу немецкого засилья, так и «о еврейском предательстве» и спекуляции представителями дворянства произносились с трибуны гос. думы провокационные речи.

Но не только с трибуны гос. думы правительство призывало к погромам евреев. Даже в секретных циркулярах министра финансов также распространялась ложь о евреях и подготовлялись погромы. Напр., один из циркуляров министерства финансов говорит о том, что немцы и евреи разбрасывают прокламации на немецком языке, призывающие жечь поля и разорять крестьянство. В другом циркуляре говорится, что евреи поставили своей целью возмутить государство, устроить

революцию путем дороговизны жизни, скупки и собирания монеты [1].

Погромы евреев в годы войны были обычным явлением. Кроме прифронтовой полосы и центра России, они распространялись и на отдаленные местности Сибири. Еврейские погромы в годы войны служили барометром, показывающим успех или неудачу русского оружия. При неудачах они усиливались, при успехах — несколько ослаблялись.

Травля, убийства и грабежи распространялись еще и на трудящиеся массы других народностей. Из речи депутата Джафарова в гос. думе мы узнаем, что в прифронтовой полосе на Кавказе население Батумской и Карской волостей разорилось, обнищало от войны и грабежей. Правительство не принимало никаких мер против грабежей, а, напротив, поощряло их. Подпоручик милиции Захарий-бек Аджарский в прошении великому князю Георгию Михайловичу пишет: ...«19 декабря 1914 года, около часа ночи, едва одевшись, вышел я узнать, в чем дело. В это время выводили рабочих моих из их помещений и тут же на моих глазах рубили их. Мои протесты и уговоры пощадить ни в чем неповинных людей едва не стоили мне жизни. Меня называли немецким офицером, осыпали площадной бранью, заявили, что я украл надетую на меня офицерскую шинель у русского офицера, и сорвали ее с меня... На моих глазах были на смерть изрублены 20 моих рабочих и еще 12 человек... в том числе и восьмилетний мальчик...».

Из прошения, поданного тому же князю от 12 осиротевших и овдовевших карских женщин, мы узнаем, что все население и беженцы в селе Кенербень, Чалдверского участка Ардаганского округа, при встрече русских войск с хлебом-солью были поголовно перебиты.

Царские чиновники, устраивая эксцессы над мусульманским населением, брали взятки. Кто отказывался платить, тот попадал в тюрьму или был убит тут же на

---

[1] Из речи депутата Вершинина на заседании 4-й гос. думы в 1916 г.

месте. Царские чиновники в своих истязаниях и убийствах мусульман не щадили даже старух и младенцев. Об этом говорит следующий факт: «По дороге из Ардагана в село Джиджиран, в сопровождении стражника,— речь идет о земской страже,—ехал чиновник и, увидев на дороге обессиленную старуху-мусульманку, приказал сопровождающему его стражнику убить ее. Стражник шашечным ударом снял ей голову. При дальнейшем следовании они нашли убитую женщину со свежей раной, из которой еще струилась кровь. На груди ее совершенно теплого трупа мирно покоился и сосал грудь живой младенец. Тогда этот чиновник приказал тому же стражнику прикончить младенца, и стражник кинжалом снес голову младенцу» [1].

Вот какими методами царское правительство надеялось спасти страну от существующего экономического и нарастающего политического кризиса и себя — от революции.

---

[1] Из речи Джафарова.

II. Предательство меньшевиков и борьба большевиков за превращение империалистической войны в войну гражданскую

Грабительскую империалистическую войну всецело поддерживали социал-демократы—меньшевики и социалисты-революционеры. С первых же дней войны они стали сторонниками империалистической войны, призывая к «защите отечества». Одни из них в открытой циничной форме (Потресов, Маслов, Аксельрод, Дан, Плеханов), другие— в более прикрытой (А. Мартов, Ионов, Троцкий) оправдывали политику военно-феодального империализма царского самодержавия. Плеханов, один из бывших вождей II Интернационала, открыто выступил в защиту войны с заявлением: «На нас нападают, — и мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира». Русские социал-шовинисты, как и социал-шовинисты II Интернационала других стран, оказывали всяческое содействие помещичье-буржуазному блоку в ведении войны. Они призывали пролетариат и трудящихся итти на войну, они объявляли грабительскую империалистическую войну — войной «справедливой», обманывали массы повторением повсюду повторявшихся басен о том, что «на нас напали». Они принимали самое деятельное участие в работе по обороне страны (в военно-промышленных комитетах Гвоздева) и помогали душить революционную борьбу рабочих и крестьян.

Если правое крыло социал-шовинистов открыто защищало империалистическую войну, то его левое крыло, вроде Мартова, Ионова и думской фракции меньшевиков, а также центрист Троцкий, подобно Каутскому,

«революционной» фразеологией отвлекали внимание пролетариата и трудящегося крестьянства от предательства социал-шовинистов. Вместо революционного лозунга «поражение царизма», Троцкий и окисты в лице Семковского защищали лозунг: «Ни победа,— ни поражение».

Ленин, выступая против этого лозунга, говорил: «Кто стоит за лозунг — «Ни победа — ни поражение», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае — примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае — враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов» [1].

Помимо выступления против лозунга «Поражение царизма» Троцкий защищал также думскую фракцию меньшевиков, фракцию Чхеидзе, от лица которой представитель ее, Чхенкели, в 1915 г. в журнале «Современный мир» писал: «Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, значило бы или скрыто желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое, но и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, лежащие рядом, сквозь анархический телескоп».

В этих кратких словах ясно выражена идея «защиты отечества», которую фракция Чхеидзе, несмотря на отказ голосовать за военные кредиты, проводила в жизнь. Она защищала военно-феодальный империализм царского самодержавия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Она защищала его с думской трибуны. Она защищала его организацией военно-промышленных комитетов и сотрудничеством в них с буржуазией и царскими чиновниками. Она защищала его своими выступлениями против забастовок рабочих и революционной борьбы крестьян и этим помогала царскому правительству грабить, разорять и посылать на войну в качестве пушечного мяса миллионные массы рабочих и крестьян. Во время войны еще при царском самодержа-

---

[1] Ленин, Собр. соч., изд. 1, т. XIII, стр. 72.

вии, когда на Кавказе вспыхнули волнения крестьян, социал-шовинисты в лице представителя думской фракции меньшевиков, Чхеидзе, спешили отговаривать кавказских рабочих и крестьян от революционных выступлений. С этой целью Чхеидзе лично посетил Кавказ и рекомендовал заниматься вместо революционной борьбы организацией кооперативов и продовольственных лавок.

Прикрываясь левой фразеологией, «левые» социал-шовинисты — окисты Мартов, Ионов и другие на деле поддерживали правых социал-шовинистов. На словах они даже объявили II Интернационал умершим и требовали создания III Интернационала, но на деле выступали совместно с социал-шовинистами правого крыла — Плехановым, Потресовым и др. против революционной борьбы пролетариата и трудящегося крестьянства, проповедуя при этом классовый мир и сотрудничество с буржуазией. На Кинтальской и Циммервальдской конференциях они стояли за объединение с каутскианством, а в России вели борьбу против раскола большевиков с социал-шовинистами, за «единство» с фракцией Чхеидзе и К⁰.

Примиренческие объединительные тенденции особенно навязывал Троцкий, который в годы войны так же, как и до войны, посредством крика о большевистском расколе и о необходимости единства различных непримиримых между собою идейных течений, стремился внести разложение в ряды большевиков и укрепить оппортунистов, социал-шовинистов.

Русские социал-шовинисты-меньшевики и социалисты-революционеры (эсеры), социал-предатели из II Интернационала несут прямую ответственность за разорение и страдание многомиллионных масс рабочих и крестьян во время империалистической войны. Они несут ответственность вместе с самодержавием, помещиками и буржуазией за пролитую на войне кровь трудящихся масс, т. к. с их помощью царское правительство с буржуазией гнало на войну рабочих и крестьян, с их помощью — во имя «защиты отечества» царизм душил революционные выступления масс. Вместо борьбы

с войной они позорно предали и обезоружили своей изменой пролетарские и трудящиеся массы.

Российская соц.-демократическая партия (большевиков) клеймила позором предательство II Интернационала, русских меньшевиков и эсеров, выступая против их социал-шовинизма, борясь за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за поражение своего правительства, за объединение международного пролетариата в борьбе за социализм, за свержение диктатуры помещиков и буржуазии, за конфискацию помещичьей, церковной и казенной земли и за полный разрыв с социал-шовинистами. В то время как социал - шовинисты II Интернационала, Каутский, Вандервельде, Плеханов, Мартов, Чхеидзе и др., оправдывали войну и помогали буржуазии и помещикам душить революционные выступления рабочих и крестьян, думская фракция РСДРП(б) развернула огромную революционную работу против войны среди трудящихся масс. Партия выступала открыто против войны и призывала превратить империалистическую войну в войну гражданскую. В одном из воззваний, выпущенных большевиками, говорилось: «Мы идем сражаться, идем в солдаты только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявили царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают они, что мы его употребим и против них. Товарищи! Не возвращайте оружия,— храните его! А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место — не против нас, а с нами».

Думские депутаты фракции большевиков пошли на каторгу, в то время как Вандервельде и другие предатели рабочего класса заняли министерские кресла. В ожесточенной борьбе с помещичье-буржуазным блоком и социал-шовинистами партия большевиков вела широкие трудящиеся массы России к революции.

Ленин в статье «О двух линиях революции», написанной в ноябре 1915 г., оценивая предстоящую революцию, говорил: «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. Сам Хвостов говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 гг. И опять перед

нами те же две линии революции, то же соотношение классов, только видоизмененное изменившейся международной обстановкой»[1]. Оценка Лвниным характера предстоящей революции показывает еще и еще раз всю ложь троцкистских контрабандистов, ибо Ленин как в 1905 г., так и в 1917 г. указывал на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Победа буржуазно-демократической, по Ленину, является необходимым условием совершения социалистической революции. Указывая на необходимость бороться за привлечение народных масс на сторону пролетариата, он говорил, что надо бороться «за участие не-пролетарских «народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы»[2]. Таким образом, Ленин в 1915 г. снова указывал на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин ставил с самого начала своей политической деятельности. Это мы находим уже в произведениях Ленина «Что такое друзья народа», «К деревенской бедноте», в которых Ленин подчеркивает, что победа над царизмом и завоевание общедемократических требований нужны пролетариату лишь для того чтобы скорее перейти к социалистической революции. Особенно выпукло вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин поставил в 1905 г. в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению». Отвечая в этой статье московскому товарищу на вопрос об отношении социал-демократии к крестьянству, Ленин указывает, что при победе демократиче-

---

[1] Ленин, Собр. соч., изд. 1, т. XIII, стр. 212.
[2] Ibid, т. XIII, стр. 217.

ской революции С. Д. Р. П. будет настаивать на передаче крупных капиталистических имений Ассоциациям рабочих, «ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы,— силы сознательного и организованного пролетариата,— начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути».

Читатель может убедиться в том, насколько клеветническими являются утверждения Слуцких и пр. контрабандистов. Партия уже разоблачила те извращения, которые протаскивались в III томе «Истории партии» под общей редакцией т. Ярославского. Там же Баевский пытался доказывать отсутствие постановки Лениным до войны вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В связи с вопросом о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую Ленин и в 1905, и в 1917 году четко формулировал стратегические задачи пролетариата в отношении крестьянства и других классов населения. как на этапе буржуазно-демократической революции, так и на втором, социалистическом этапе. Эти задачи Ленин формулировал следующим образом: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»[1]. Эти два стратегических лозунга Ленина определяют расстановку классовых сил в России на разных этапах революции.

Жизнь целиком подтвердила правильность стратегических лозунгов, выставленных Лениным еще в революцию 1905 года. На этапе буржуазно-демократической революции, с 1903 г. по февраль 1917 г., пролетариат

[1] Собр. соч. Ленина т. VI. стр. 371. изд. I.

в действительности шел «вместе со всем крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья» (Ленин). На втором этапе, — этапе Октябрьской революции пролетариат шел «вместе с беднейшим крестьянством против буржуазии, при нейтрализации середняка, за социалистический переворот» (Ленин).

Эти стратегические лозунги не ограничены узкими национальными рамками. Они имеют международное значение. В данное время они оказывают особенно огромную помощь международному пролетариату и братским коммунистическим партиям в определении правильных взаимоотношений пролетариата с крестьянством и другими слоями населения.

Революционная борьба пролетариата и крестьянства шла и идет под гегемонией пролетариата по намеченным Лениным стратегическим линиям. Она прошла мимо полуменьшевистской теории перманентной революции Троцкого, который, исходя из нее, в 1905 г. отрицал необходимость первого буржуазно-демократического этапа революции в России, перескакивал через него и вместе с тем отрицал роль крестьянства как союзника пролетариата, не понимая существа гегемонии пролетариата в предстоящей революции. Тем самым Троцкий еще тогда на деле «помогал либеральным рабочим политикам России» (Ленин). Все разговоры Троцкого о социалистической революции, о том, что в эпоху империализма пролетариат везде стоит непосредственно перед задачами социалистической революции,—есть левая фраза, прикрывавшая капитулянтскую сущность. Троцкистская теория «перманентной революции» есть разновидность меньшевизма. Она разоблачена до конца Лениным и Сталиным и жизнью выброшена в мусорную яму.

Разговоры о социалистической революции являлись у Троцкого маскирующей болтовней, ибо троцкизм, ставший теперь передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, отрицает возможности построения социализма в одной стране. Поэтому Ленин, большевики и партия после Ленина во главе с тов. Сталиным так беспощадно вскрывали и вскрывают капитулянтскую сущность троцкизма, в какой бы форме он ни протаскивался.

Наряду с борьбой против социал-шовинистов, которые выступали против развивающейся революционной борьбы пролетариата и крестьянства, Ленин в годы войны вел борьбу также с колебавшимися в то время большевиками. Борьба шла главным образом по вопросам о «поражении царизма и самоопределении наций». Каменев, Бухарин и некоторые другие товарищи не были согласны с лозунгом «поражение царизма». Лозунг «поражение царизма» Бухарин счел необходимым заменить пацифистским лозунгом «борьба за мир». Бухарин и Пятаков не соглашались с лозунгом Ленина: «самоопределение наций вплоть до отделения» и вместо защиты теории Ленина защищали по национальному вопросу полуменьшевистскую теорию «экономического чистого империализма». Этой полуменьшевистской теории придерживалась и Роза Люксембург, которая еще в 1905 г. вместе с Парвусом «сочинила утопическую полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза пролетариата с крестьянством» (Сталин). Совершенно понятно, поскольку Роза Люксембург имела полуменьшевистские взгляды по таким коренным вопросам, как национальный, и о революции, которые тесно увязаны с крестьянским вопросом, постольку она недооценивала роль крестьянства, как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции. Эта недооценка сказалась и в 1918 г., когда Роза Люксембург во время своего тюремного заключения в своей книге об Октябрьской революции выступила против раздела крестьянами в России помещичьей земли.

Хотя потом Роза Люксембург отказалась от этого выступления, но всё же это характеризует ее полуменьшевистские ошибки по крестьянскому вопросу. Роза Люксембург в своей политической деятельности имеет и положительные моменты, имеет революционное прошлое. Критикуя ее ошибки, мы ни в коем случае не думаем ее сравнивать с троцкизмом, который стал «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, ведущей борь-

бу, против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма» (Сталин).

Ошибки Розы Люксембург, Бухарина, Пятакова по национальному и другим вопросам тесно связаны с их непониманием учения Ленина о неравномерном развитии капитализма в эпоху империализма и возможности победы социализма в одной стране. У нас нет возможности дольше останавливаться на вопросах, выдвинутых Лениным в период войны, а также и на той борьбе, которую он вел в годы войны за III Интернационал. Эти вопросы требуют самостоятельного освещения и, углубляясь в них, мы отклонились бы от своей темы.

Руководство ленинской партии, внутри которой велась самая решительная борьба с оппортунизмом и в частности с правыми оппортунистами в 1917 году — Каменевым, Рыковым, Зиновьевым и другими, выступавшими против Октябрьского переворота, революционной борьбой многомиллионных масс рабочих и крестьян, обеспечило в 1917 году победу над капиталистами. Оно привело пролетариат и беднейшее крестьянство в октябре 1917 г. к победе пролетарской революции, попутно завершившей задачи буржуазно-демократической революции, к установлению диктатуры пролетариата. ВКП(б) привела пролетариат и крестьянство к дальнейшим огромным победам социализма над капитализмом. Партия разгромила троцкизм, ставший передовым отрядом контрреволюции, разбила правый оппортунизм, главную опасность на данном этапе, а также левый оппортунизм. Она выбросила из своих рядов Каменева и Зиновьева и других из контрреволюционной группы Рютина, которых фракционная борьба с большевизмом привела в лагерь контрреволюции. Каменев, как мы знаем, еще во время империалистической войны не согласился с ленинским лозунгом: «поражение царизма».

Октябрьская революция экспроприировала экспроприаторов, отобрав у них промышленные предприятия, банки, транспорт и крупные землевладения. Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю и установила национализацию земли. Она передала в пользование широким трудящимся массам крестьянства

без выкупа конфискованные помещичьи, церковные и кабинетские земли, оставив известный процент для создания показательных совхозов. Она уничтожила земельную аренду, ипотечные и другого рода долги, ликвидировала окончательно остатки крепостничества, передала в ведение крестьян пастбища и луга. В данное время, в результате правильных взаимоотношений пролетариата с крестьянством, которые в процессе развития пролетарской революции определились новыми стратегическими лозунгами, многомиллионные массы трудящегося крестьянства СССР (беднота и середняки) окончательно повернулись лицом к социализму. Крестьяне на опыте убедились в преимуществах крупных коллективных хозяйств перед мелкими индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Отсюда — быстрый рост коллективизации, которая в основном будет завершена в 1932/33 г. Одновременно на основе сплошной коллективизации ликвидируется кулачество как класс. Страна, завершив построение фундамента социализма, вступает во II пятилетку с лозунгом практического осуществления построения бесклассового общества и уничтожения причин, порождающих классовые различия. Это возможно стало только в результате того, что партия, проводя ленинскую линию, обеспечила и обеспечивает на всех этапах правильную линию в отношении крестьянства.

Задача настоящей работы — осветить революционную борьбу крестьянства во время войны. Это имеет крайне важное и актуальное значение, ибо подготовка войны и интервенции идет открыто, и мы должны учесть опыт революционной борьбы крестьян в эти годы. Этот опыт наглядно ударяет по всякого рода оппортунистическим теориям, утверждавшим, что будто во время войны прекратилась всякая борьба крестьянства.

III. Крестьянское движение 1914—16 гг.

Несмотря на военный режим, крестьянское движение в царской России в годы войны не было задавлено, хотя первое время оно сильно упало. Этот упадок начался уже с 1913 г. В 1912 г. по европейской и азиатской России было зарегистрировано 1 810 случаев революционных выступлений крестьян, а в 1913 г. — только 647 случаев.

Мы не имеем исчерпывающих данных, чтобы дать полную картину крестьянского движения за годы войны. Однако и из тех материалов, которые имелись в нашем распоряжении,— материалов департамента полиции (донесения губернских жандармских управлений о выступлениях крестьян и отчеты губернаторов о настроении населения), видно, что некоторые товарищи преуменьшают крестьянское движение в годы войны, представляя, как будто бы никакой революционной борьбы крестьян не было. С этим согласиться нельзя. Бесспорно, что революционное движение в указанные годы по сравнению с прежними годами сильно упало. По одним из указанных материалов, которые имелись в нашем распоряжении и которые не дают полной картины революционной борьбы крестьян, мы установили и проанализировали 80 крестьянских выступлений в 1914 г., 36 — в 1915 г. и 63 — в 1916 г.

Несомненно, что количество выступлений фактически было значительно больше. За это говорит уже тот факт, что в отчетах губернаторов встречается целый ряд новых данных из крестьянского движения, не освещенных в отчетах жандармских управлений. Оба вида отчетов ограничены и не полны. По некоторым губерниям совсем отсутствуют материалы. Все же данные

дают нам возможность представить политическую сторону движения крестьян в годы войны с его отдельными специфическими своеобразиями. Но было бы неправильно при оценке революционного настроения крестьянства за годы войны исходить только из количества выступлений и не учесть всю ту своеобразную военную обстановку, которая душила и революционизировала крестьян.

Война оторвала от сохи самый революционный элемент—бедняцкое и середняцкое мужское население. Опустошение в деревне мужского населения явилось главным фактором упадка крестьянских выступлений. Разгром и ликвидация в начале войны рабочих и крестьянских организаций, военный режим, жестокость подавления каждого выступления, усиление полицейской стражи и травля угнетенных народностей — также в известной мере задерживали и не давали вылиться наружу недовольству и возмущению крестьян.

Однако окончательно подавить крестьянское движение царскому правительству не удалось. В различных селах то в одной, то в другой губернии крестьяне выступали против помещичьей кабалы, против буржуазии и местных властей, при чем выступления носили обостренный характер, несмотря на то, что основная масса выступающих во многих местах состояла из стариков, женщин и подростков. Пристава, стражники, а иногда и вызванные войсковые части во многих случаях не стеснялись пускать в ход оружие против беззащитных женщин. Нагайки, избиения, пытки — эти обычные средства подавления — не всегда действовали достаточно «успокоительно». В таких случаях царское правительство нисколько не стеснялось выставлять против так называемых «бабьих бунтов» огнестрельное оружие.

Революционное движение в тылу в годы войны особенно отличалось так называемыми «бабьими бунтами». В начале войны царская жандармерия насмешливо относилась к выступлениям «баб». Но постепенно этот насмешливый тон сменялся нервным беспокойством, и в начале 1916 г. правительство теряет окончательно перед «бабьими бунтами» равновесие. В 1916 г. по всей стране возникают выступления женщин на почве доро-

говизны и спекуляции. Во многих деревнях солдатки заставляют деревенских торговцев продавать товары по пониженным ценам, громят магазины и продовольственные лавки. Всюду чувствовалось созревание революционной ситуации.

Первые годы войны были годами некоторого затишья в крестьянском движении. Но это затишье обусловливалось главным образом специфическими военными условиями, которые вместе с тем ускорили и подняли крестьянское движение на новую, более мощную революционную волну.

Губернаторы в своих отчетах департаменту полиции с начала войны до 1916 г. пытались представить отношение крестьянства к войне высоко-патриотическим. Во всех отчетах варьируется в различных выражениях одно и то же,— что крестьяне живут лишь одной мыслью — мыслью о победе русского оружия над внешним врагом.

С начала 1916 г. в отчеты царских чиновников уже проникает нервное беспокойство. Отмечается, что крестьяне начали больше интересоваться вопросами военных неудач, дороговизной, твердыми ценами на хлеб, чем победой над общим врагом. В заключение все губернаторы высказывали надежду, что правительство в ближайшем будущем ликвидирует продовольственный кризис и этим восстановит военный патриотизм крестьян.

Однако эти же отчеты показывают и другую сторону медали, — отрицательную сторону, о которой царские чиновники не любили говорить. Из них мы узнаем еще, что мобилизованные крестьяне не везде уезжали на войну с поднятым патриотическим духом, а во время призыва в ряде мест громили помещичьи усадьбы, кулаков-хуторян, рубили лес и громили казенные винные лавки. Например, в 1914 г. в Могилевской губ. запасными солдатами с участием крестьян во время призыва и следования на фронт было разгромлено 20 казенных винных лавок и 3 бакалейных магазина. В Гомельском уезде той же губернии в имении «Бархово», принадлежавшем помещику Крушевскому, запасными солдатами были выбиты 62 окна и поломано в жилых зданиях недвижимое имущество. В имении «Пачаевичи», принад-

лежавшем графу Хребтовичу, и в Бушиевом Белище в имении Свяцкого разгромлены были винные склады. В имениях генеральши Бражниковой-Быковой, врача Бабича-Гамлина, графини Красницкой-Скрыловой и в имении фон-Ренштельна разгромили и расхитили всю обстановку имений, при чем в последнем был сожжен помещичий дом. В Сеннинском уезде той же губернии запасные, ратники и крестьяне во многих местах с угрозами требовали от помещиков денег. Полиция и вооружившиеся служащие имений отстояли помещичьи имения от разгрома, но были и случаи, когда помещики «откупались», удовлетворяя требования крестьян.

Массовое революционное движение мобилизованных совместно с оставшимися крестьянами в деревнях Могилевской губернии далеко не говорило о патриотических чувствах крестьян в пользу войны. Вековая злоба против помещиков — владельцев земли давала себя чувствовать.

Губернаторы в своих докладах рисовали, будто в момент объявления войны не могло быть и речи о классовой борьбе. Все общественные группы различных политических направлений, как писал московский губернатор, сразу отказались от служения своим «мелким идеалам», чтобы всецело отдаться работе «на пользу Руси». Но в то же время другие губернаторы, напр., губернатор Смоленской губ., против своего желания вынужден был признать в своих отчетах происходящее крестьянское аграрное движение.

Выступления крестьян, под руководством призванных на войну солдат, против помещиков в начале войны имели также место в Холмской губ. Холмский губернатор в своем отчете за ноябрь 1914 года извещает: «В представленных мною донесениях от 30 августа сего года за № 21228, 1 сентября за № 8057 и 9 сентября за № 21874 доложено министру внутренних дел о настроении крестьянского населения, которое, поддаваясь наущениям нижних воинских чинов, производило грабежи помещичьих имений; вследствие принятых мер, вплоть до арестов зачинщиков, грабежи прекратились

и каких-либо волнений среди крестьянского населения не наблюдается».

Разгром помещичьих усадеб со стороны мобилизованных крестьян наблюдался еще и в других губерниях, напр., в Волынской и Екатеринославской.

Во время мобилизации были также случаи, когда мобилизованные нижние чины заставляли местные власти выдавать им деньги на дорогу. В Воронежской губ., как видно из отчета воронежского губернатора, — «в селе Новой Меловатке, Богучарского уезда, 18 июля собравшиеся у волостного правления запасные нижние чины, призванные на военную службу, в числе около 150 чел., обратились к сельским старостам и волостному старшине с просьбой выдать им денежное пособие. Получив в этом отказ, они ворвались в волостное правление и вновь потребовали выдать деньги, при чем обругали старшину и схватили его за грудь и бороду. Находившийся в это время на крыльце волостного правления Кулешов, собрав сходку из провожавших нижних чинов родственников, предложил им назначить призванным по 5 руб. на человека. Толпа криком одобрила такое предложение, а затем кинулась в помещение общественной ссудо-сберегательной кассы, потащив за собой сельских старост и членов правления кассы, и принудила их выдать им 835 рублей».

Ничтожная норма казенного пособия семьям призванных на войну беспокоила неимущие слои деревни. В некоторых местах мобилизованные крестьяне сами устанавливали размеры пособий и требовали от волостных правлений их выдачи. В Астраханской губернии, как извещал губернатор той же губернии, — «происходят демонстративные выступления призванных на службу казаков Красноярской станицы, выражающиеся в грубом, настойчивом требовании выдачи их семьям пособий в определенном ими самими размере».

В первые дни войны в ряде мест крестьяне ознаменовали мобилизацию разгромами кулацких хуторских хозяйств. Например, в Воронежской губ., в селе Козловка, Бобровского уезда, 12 августа толпа крестьян-общинников из женщин и подростков, в числе до

2 000 чел., питая давнишнюю злобу против некоторых своих односельчан за неправильное, по их мнению, укрепление земли в личную собственность, разгромила жилые помещения и имущество 23 собственников, причинив им убыток на 17 949 руб. 80 коп.

Приведенные цитаты далеко не исчерпывают всех выступлений мобилизованных и оставшихся в деревне крестьян в первые недели войны. Помещики и царское правительство, опасаясь во время мобилизации возможных эксцессов со стороны крестьян, торопились застраховаться от них посредством закрытия винных лавок. Все же это мероприятие, как мы видели, не везде помогало. По всей стране происходил, как общее явление, разгром казенных винных лавок с нападением на чиновников и полицию. Разгромы проникали и в отдаленную Сибирь. Царские чиновники пытались придать выступлениям крестьян характер бесчинств, возникающих будто-бы из желания «выпить». Мы уже видели, что это далеко не соответствовало действительности. Крестьянство в первую голову во время своих выступлений боролось против помещиков, против феодально-крепостнической эксплоатации. Большинство выступлений призванных на войну носило характер классово-аграрных беспорядков. Больше того, Акмолинский губернатор в своем донесении сообщает даже о таком факте: «31 июля сего года (1915 г., — Я. Кр.) в 5 час. вечера, в Кокчетавском сборном пункте мобилизованные казаки 4-го и 7-го полков произвели вооруженное восстание, сожгли офицерский барак с имуществом и убили офицера-подесаула Бородихина».

Беспросветная нужда крестьянской бедноты и середнячества и помещичья кабала, как мы видели выше, нисколько в годы войны не уменьшились, и обескровленное войной крестьянство, с своей стороны, продолжало, хотя и в меньших размерах, вести борьбу с помещиками. Эта борьба велась главным образом за землю, за снижение арендной платы, за лес, луга и пастбища. Крестьяне иногда проявляли большое упорство и организованность в своей борьбе. Например, в деревне Серебряной, Золотовской волости, Кирсановского у.,

Тамбовской губ. 11 мая 1915 г. сельский староста Илларион Сорокин собрал сельский сход для обсуждения вопроса о снятии в аренду у землевладельца Андреевского пастбища для общественного скота. На этом сходе крестьянин Суханов предложил сходу принять выработанное им следующее постановление: 1) чтобы никто из общественников не снимал по отдельности земли у Андреевского; 2) за работу у него в имении должна быть плата: мужчине — 80 коп. в день, женщине — 50 коп. и малолетним — 30 коп. Виновные в нарушении этого постановления будут подвергаться штрафу: мужчины — на 5 руб. и женщины — на 3 руб.

За составление этого постановления староста Сорокин и все участвовавшие в нем были арестованы.

Крестьяне вели долгую борьбу с помещиком Андреевским за пастбище. Пускали самовольно скот на помещичьи поля, не давали загонять его, а иногда выступали против стражников, вооружившись чем попало.

В некоторых местах борьба крестьян против помещиков носила крайне обостренный характер. Напр., в Пензенской губ. в начале войны крестьяне дер. Ростоши выступили против помещика Мальберг. Последний посредством «зимнего найма» держал крестьян в тяжелой кабале. Не допустил крестьян свезти с полей сжатый и связанный в снопы хлеб до уплаты займов и аренды. Крестьяне, несмотря на угрозы управляющего, свезли хлеб с полей и начали расхищать овсяные снопы самого землевладельца, после чего разграбили и сожгли дом управляющего. Одновременно против Мальберга выступили также крестьяне с. Похвисневки. Совместно с мобилизованными крестьяне ворвались в сад, попортили улья с пчелами, выбили окна в жилых помещениях и сожгли имущество заведующего имением.

Как всегда, выступление крестьян было подавлено со всей свирепостью. Прибывший из уездного центра отряд полицейской стражи во главе с исправником арестовал 32 человека.

В той же губернии крестьяне сел Знаменского и Куземкина Керенского уезда выступили против крупной помещицы фон-Флот, жены германского посла.

Владение фон-Флот занимало 20 000 десятин земли. Причины недовольства крестьян те же, — малоземелье и чрезмерная кабала. Характерна картина развертывания этого движения. 2 мая собравшиеся крестьяне, в количестве 200 чел., подошли к квартире управляющего с криками: — «Мы пришли не покупать землю, а взять ее. Нас не запугает полк солдат». Движение грозило разрастись, но в тот же день прибыл Керенский уездный исправник с отрядом стражников, а затем по его просьбе пензенским губернатором был выслан из города 1-й конный отряд полицейской стражи при офицере и отряд стражников из Чембарского уезда, за ним — полроты солдат из 80-й пехотной дивизии. Прибывшими военными силами выступление крестьян было подавлено. Последовали аресты и высылка революционных элементов из крестьян.

Положение крестьян видно из обращения крестьян упомянутых деревень к министру земледелия с жалобой на незаконные действия полиции. В своем прошении крестьяне писали:

«Фон-Флот, посягая на нашу свободу, старается поработить и закрепостить нас во всю, а потому мы покорнейше просим ваше высокопревосходительство оказать свое заступничество порабощенным и закрепощенным как являющимся форменными мучениками первого христианства. Кроме того, покорнейше просим обратить внимание и на провокационную деятельность местной полиции в лице Керенского исправника Казаринова, получающего из экономии подарки лошадьми, экипажами и проч., станового пристава Черского стана, Виноградова, по донесениям коих лишили свободы и посадили в пензенскую тюрьму тридцать три человека «бунтарей», учинивших будто бы, по словам исправника и пристава, бунт с разгромом завода и винной лавкой и проч.».

Крестьяне требовали высылки управляющего имением, Ингермана, и изгнания со службы керенского исправника Казаринова и других членов полиции.

Царское правительство ревностно охраняло крупных помещиков, хотя и немецкого происхождения. Крики правых в государственной думе о немецком засильи

нисколько не задевали их. Совсем другое отношение было к немецким крестьянам-колонистам. Их хозяйства, луга и пастбища отдавались на расхищение. Екатеринославское губернское правление от 17 июня 1916 г. сообщало, что в некоторых уездах Екатеринославской губ. по отношению к немцам-колонистам проявляются насильственные действия со стороны крестьян, — самовольное пользование сенокосом и посевом для выпаса скота. «Крепнет также уверенность крестьян, — писал он,—в абсолютную безнаказанность их даже за погром и избиение немцев. (Еще бы!—Кр.). Такое убеждение среди крестьян сложилось отчасти под впечатлением сообщений печати по поводу московских событий, в которых не упоминалось о том, что виновные понесут наказание». Дальше указывается, что крестьяне села Вознесенки, Александровского уезда и предместья гор. Александровска-Новослободки намерены 20 июня учинить погром немцев села Остров-Хортица, Екатеринославского уезда.

Какие же мероприятия предпринял екатеринославский губернатор для предотвращения подготовляющегося погрома, убийства и разорения немцев-крестьян? Стягивал ли он войсковые части для ликвидации насилий над немецкими крестьянами столь же ревностно, как пензенский губернатор в защиту имения фон-Флот? — Нисколько! «В схему мероприятий, — пишет он в своем отчете департаменту полиции, — по-моему, не должны входить какие-либо репрессивные меры по отношению к крестьянам, так как репрессии, по обстоятельствам данного времени, могут повлечь за собой лишь общее раздражение населения по отношению к правительству». Единственным рациональным выходом из создавшегося положения он находил возможно скорейшую ликвидацию земли немецких колонистов...

Объектом крестьянского движения против земельной тесноты и высокой арендной платы были не только помещики с немецким происхождением, но еще в большей степени помещики русские. Борьба выразилась в систематическом неплатеже арендной платы, в отказе от работ, в самовольном распахивании их земли, под-

жогах их хлеба, скотных дворов и т. д. В 1916 г. некоторые помещики уже почувствовали себя обессиленными в этой борьбе и проявляли недовольство местной полицией, которая, по их мнению, бездействовала и отдавала помещичьи экономии на расхищение. В своих письмах министру внутренних дел они требовали принять меры к охране их личностей и имущества. Характерным документом, из которого видна суть создавшегося положения, служит заявление корнета Василия Алексеевича Дурасова-Дураццо-Анжуйского, владельца имения Шавского, Тамбовской губ., Лебедянского уезда. В заявлении, адресованном 10 октября 1916 г. директору департамента полиции, Анжуйский пишет, что в прошлом году мужики хотели снять у него землю в аренду почти даром. Он в этом мужикам отказал и сдал ее отдельным арендаторам участками по 350 десятин. «С тех пор, — продолжает он, — начались вопиющие безобразия. В прошлом году сожгли почти весь хлеб в скирдах и разграбили скотный двор. В этом году 4 октября сожжен деревянный 2-хэтажный амбар, длиной в 20 саженей, со всем инвентарем, стоимостью в 20 000 руб. Мужики и бабы не только не хотят итти ко мне на работу, но когда приходят рабочие из соседних сел, то встречают их с кольями и камнями и не допускают работать. Крестьянские лошади постоянно пасутся в моих фруктовых садах. Лес воруют прямо возами. Я часто получаю анонимные письма, угрожающие мне смертью в случае моего приезда в имение. Местной администрации все эти факты хорошо известны, но она ничего не может сделать. Волостной старшина и писарь возбуждают против меня народ». Дальше следует просьба прислать стражников для охраны его личности и имущества.

Аналогичные письма, адресованные на имя министра внутренних дел, были получены от помещицы Вятской губ., Барановой, помещицы Орловской губ., Терлецкой, помещика области войска Донского, Шабельского и помещицы Киевской губ., Головиной.

Помещик Шабельский спрашивает министра внутренних дел, — из каких источников он должен добыть средства, чтобы уплатить подоходный налог, ибо крестьяне

уже третий год самовольно распахивают его землю и никакой арендной платы не платят? Дальше помещик предупреждает, что такое явление деморализует население и угрожает также правительству.

Помещицы Баранова и Терлецкая в своих письмах, жалуясь на «бесчинства» и поджоги крестьян, излагают историю борьбы с ними, начиная с 1906 г., когда их «добрые, мирные отношения» к ним изменились. Здесь характерна именно непрерывность в борьбе крестьянства, начиная с революции 1905 года, упорство этой борьбы, применение самых разнообразных ее форм.

Помещица Баранова пишет, что после неудавшейся в 1905—1906 г. попытки продажи имения крестьянам с. Арзамасцева из-за расхождения в цене, последние «с 1907 г. начинают применять ко мне и моему имению целый ряд террористических действий. Крестьяне стали травить мои посевы, увозить с моих полей сжатый хлеб, самовольно рубить лес, являлись с угрозами в мою усадьбу, выбивали стекла в жилых строениях у меня и моих служащих и открыто похвалялись, что «выживут» меня, и даже грозились убить меня и моих служащих. В то же время в моем имении начинается ряд пожаров: 1)в июне 1907 г. сгорела паровая мельница с зерносушилкой и молотилкой, стоимостью до 15 000 руб.; 2) в сентябре 1907 г. сгорел большой хлебный амбар, стоивший до 8 000 руб.; 3) весной 1909 г. сгорела выстроенная, вместо паровой, конная молотилка с молотильным сараем , стоившая около 1 000 руб.; 4) в июне 1909 г. в моем лесу сгорели часть леса и заготовленные дрова, всего на 3 000 руб.; 5) весной 1911 г. сгорел второй большой хлебный амбар с хлебом, всего на 6 000 руб.; 6) в августе 1911 г., наконец, сгорел мой двухэтажный жилой дом со всей обстановкой и движимым имуществом, и я сама едва спаслась от огня. Стоимость сгоревшего дома и движимости около 12 000 руб. Таким образом от цветущей усадьбы теперь остались лишь небольшой флигель, людская и конюшни, и то лишь потому, что усиленно охраняются цепными собаками. Поджоги продолжались и в годы войны. 26 сентября ночью подожгли хлеб, стои-

мостью около 2 000 руб. Таким образом у меня травят посевы, крадут с полей хлеб, рубят самовольно лес, бьют в моих домах стекла, буйствуют на моей усадьбе, жгут мои строения и клади, грозят мне и моим служащим насилием и даже смертью, одним словом, всячески стараются действительно «выжить» меня».

Как видим, преобладающую роль в этом случае борьбы крестьян играли поджоги. Такую же картину революционной борьбы крестьян с помещиками путем поджогов хлеба, амбаров и жилых домов рисует и помещица Терлецкая, которая приходит к выводам, что в местности, где ее имение находится, «среди местных и окружных более зажиточных крестьян образовалась преступная «лига», задавшаяся целью непременно выжить намеченных ею землевладельцев из их имений путем постоянных поджогов». В конце своего заявления помещица жалуется, что она чувствует себя совершенно обессиленной в этой неравной борьбе с «преступной» и «варварской» организацией людей и, не веря в обнаружение их местной полицейской властью, просит принять более строгие меры к ограждению ее от народного террора и оградить ее спокойствие, без которого жизнь в деревне ей тяжела и даже невозможна.

Не менее обостренная борьба велась крестьянами в Минской, Киевской, Курской и др. губерниях за лес, пастбища и луга. Чаще всего крестьяне на лошадях небольшими группами, человек по 20—25, отправлялись рубить помещичий лес. Но встречаются и такие случаи, когда порубка леса производится группами в 100—200 чел. Напр., 31 дек. 1915 г. несколько сот крестьян Новоград-Волынского уезда, Минской губ., производили самовольную порубку леса, принадлежавшего помещице Стецкой и увезли около ста сажень дров, стоимостью 20 000 руб. В массовой порубке леса главным образом принимали участие призванные на войну. Совершенно понятно, что это было единственным выходом для обеспечения от зимних морозов оставляемых дома семейств. Помещики за лес брали чрезвычайно высокую плату. Оставшимся без рабочих рук крестьянским семьям немыслимо было на одно казенное пособие обеспечить

себя топливом. Поэтому в самовольных порубках леса всегда участвовало заметное количество призванных на войну крестьян.

Порубки леса редко кончались без столкновений крестьян с лесными стражниками и объездчиками, при чем почти всегда бывали жертвы с той и другой стороны. Например, при упомянутой только что самовольной порубке леса крестьянами Новоград-Волынского уезда один лесной стражник был убит, а другой ранен. В апреле 1915 г. 10 крестьян Уфимской губ. отправились на порубку леса. На месте порубки между крестьянами и лесной стражей произошла борьба. Одного крестьянина-башкира убили, двух ранили; крестьяне-башкиры топорами ранили и избили до смерти старшину, лесника и стражника. В Волынской губ. крестьяне села Воля-Островицкая, Гущинской вол., Владимирского уезда, оказали сопротивление вырубке спорного леса, проданного землевладельцем Малявщиком купцу Сигалу. Крестьяне, вооружившись палками, избили доверенного купца Сигала, лесничих, волостного старшину и лесного сторожа. 12 крестьян были арестованы.

Таких примеров можно привести изрядное количество.

В борьбе за лес, необходимый крестьянам, как топливо и строительный материал, применялись и другие средства борьбы. Одним из таких средств являлись, как мы уже знаем, поджог. Помещица имения Будо-Ваховской жалуется министру внутренних дел, что в ее имении Киевской губ. и уезда, Дымиевской вол., «крестьяне жгут, рубят и крадут лес ежедневно, собираются напасть на экономию, чтобы ограбить, и хотят сжечь все постройки имения. Вообще крестьяне волнуются, бунтуют, самовольно выгоняют скот на пастьбу, на поля имения, не желая платить, и говорят, что панов всех перебьют, а землю после войны отберут, что солдаты ружья правительству не отдадут и т. д.».

В письме управляющего помещицы Головиной — те же тревожные нотки. Управляющий возмущен «бездействием» полиции, которая, по его мнению, бездействует, даже не показывается, между тем как крестьяне села

Волховки творят целые погромы. «Я очень вас прошу написать Киевскому генерал-губернатору, чтобы он приказал принять меры против грабежей, чинимых крестьянами села Волховка, они там возле себя сожгли целое имение Куницкой, уничтожили более тысячи десятин леса, и полиция шагу не сделала в защиту Куницкой».

Причиной революционности крестьянства, по мнению помещицы Головиной, является агитация евреев. Киевское жандармское управление считает этот довод неправильным. Оно допускает, что источником возбуждения среди крестьян, «если допустить, что таковое было, являются не евреи, а высланный административным порядком некий Бредхин».

Помещики Горвати и Обухович из Минской губ. обратились к министру внутренних дел с просьбой оказать помощь против рубки и поджогов леса. В своей телеграмме помещик Горвати пишет, что каждый новый призыв по воинской повинности сопровождается массовыми аграрными нападениями новобранцев на соседний его лес. Порубка леса в массовых размерах происходила также в Могилевской губ., в лесах помещиков Протасевича и графа Хребтовича-Гуменева. Последний вынудил крестьян на самовольную порубку тем, что приказал лесничему не продавать крестьянам дров из своего леса, чем обрекал их остаться на зиму без дров.

Не с меньшим упорством крестьяне боролись и за пастбища. Загоняли скот на помещичьи поля, клевер и яровые посевы. Эта борьба всегда носила массовый характер, ибо — защищать скот, не давать загнать его помещичьей страже крестьяне могли, лишь действуя сообща. И здесь почти каждое столкновение кончалось убийствами, ранениями и арестами. Например, 30 мая 1915 г. управляющий имением помещика Киевской губ., Бжезовского уезда, Чернецкий, при объезде с конно-полицейским стражником Андрейчуком и своими служащими сенокоса застал там на выпасе скот, принадлежащий местным крестьянам деревни Оцителя. «Управляющий со стражником Андрейчуком, — говорится в

донесении,— направились с целью задержки скота. Но толпа из мальчиков, женщин и взрослых мужчин оказала противодействие. Один из крестьян, Иван Шило, бросился к Чернецкому и ударил его два раза обухом топора по голове. На защиту Чернецкому бросился стражник Андрейчук и ударом обнаженной шашки поранил Шилу лицо. К нападавшему Шилу присоединились его односельчане — Кирил Шило, Архип Арбуз, Трофим Шило и Исаак Шило, которые также начали наносить побои как управляющему помещика, так и стражнику Андрейчуку, последствием чего явились тяжелые поранения у обоих; у Чернецкого на голове оказалось шесть ран, а у Андрейчука на голове несколько накожных ран». Стражник в больнице умер.

Аналогичная борьба произошла у крестьян хутора Остретьевки, Суджанского уезда, Курской губ. Эти крестьяне, как видно из донесения курского губернатора департаменту полиции от 10 августа 1916 г., самовольно пасли скот на посевных травах имения княгини Юсуповой (царской родственницы). На место был послан разъезд стражников Грайворонского уезда, который по прибытии застал на месте более 50 лошадей и толпу крестьян, которых начали нагайками избивать. Тогда крестьяне бросились на стражников с кольями и криками: — «Бей их!». Но стражники разогнали крестьян и загнали 21 лошадь. Во время нападения стражников крестьяне оборонялись кольями и камнями.

Упорную борьбу за пастбища вели крестьяне деревни Ракошино, Кайдановской волости, Минского уезда и губернии, с администрацией Зуеревичской лесной дачи. Последняя распорядилась поставить изгородь на границе этой дачи со стороны деревни Ракоши, в целях лишить крестьян пастбища. Крестьяне выступили против этой попытки администрации, избили рабочих и снесли изгородь. Пристав с 5 конными стражниками побоялся начать борьбу. Через 10 дней прибыло еще 20 стражников, которые начали расправу с толпой крестьян в 400 чел. Шашечными и нагаечными ударами толпа крестьян была рассеяна. Однако, по уходе стражников крестьяне вновь снесли изгородь.

Таким образом, мы видим, что в период войны борьба против помещичьей эксплоатации в деревне не затухала. Затрудненная условиями военного времени, она вспыхивала то там, то здесь. Что особенно важно для нас, это — подчеркнуть прямую связь и обострение ряда форм борьбы крестьян против помещика с мобилизацией на войну, — подчеркнуть именно наличие активной силы в революционных выступлениях мобилизованных на бойню. Это дает яркие образцы увязки борьбы за требования угнетенного крестьянства с борьбой против войны и интервенции.

Но в деревне были не только противоречия первого рода между всем крестьянством и помещиками. Там шла и вторая социальная война — борьба с.-х. пролетариата и бедноты с кулачеством. Она развертывалась в первую очередь вокруг вопросов выхода на хутора, отруба и пр.

Несмотря на тяжесть условия военного времени, царское правительство продолжало проводить в жизнь закон 9 ноября 1906 года. Правда, выделы на хутора и укрепление земли в личную собственность за годы войны сильно сократились. Однако там, где выделы происходили, они всегда сопровождались активным сопротивлением бедняцких и середняцких масс. Крестьяне ясно осознали грабительский характер столыпинской реформы и всячески пытались противодействовать ей. В тех случаях, когда выделы происходили без участия стражников, крестьяне ограничивались уничтожением межевых знаков, избиением землемеров и понятых, сжигали их инструменты. Но в редких случаях на место происшествия не вызывались стражники; обыкновенно землемеры выезжали в сопровождении местной полиции. В таких случаях борьба крестьян против выделов принимала более обостренный характер. Во многих местах крестьяне громили кулацкие хозяйства, а иногда поджигали их. Например, 3 октября 1916 г. крестьяне села Курташек, Пензенской губ., в числе около 300 чел., по преимуществу женщины, во главе со старостой, избили выделявшуюся крестьянку Матрену Москайкину, выбили окна у выделяющихся крестьян, разобрали со-

ломенную крышу с одной кладовой, развалили печь в бане и изломали фруктовый сад.

В более значительных размерах избиение кулаков и отрубников происходило в Тамбовской, Нижегородской и Воронежской губ.

В Воронежской губ. революционная борьба крестьян против выделов охватила несколько деревень. Началась она с села Н. Мамоно, Павловского уезда. 5 мая 1916 г. женщины этого села, «солдатки», прогнали с поля землемера, выдернули столбы на полевой и частью на луговой и лесной земле и заставили землемера уехать из села. 9 мая солдатки освободили заключенных приставом под стражу трех женщин, после чего пристав со стражниками были вынуждены покинуть село. 11 мая ударили в набат. Собравшиеся солдатки направились в поле, где кулаки, желавшие выдела, успели поставить столбы; солдатки выдернули столбы, затем вернулись в село и начали громить дома сочувствующих выделу. Сожжено было два омета хлеба. Солдатки требовали от хуторян выдачи документов по укреплению за ними земли и подписок в том, что они отказываются от выделов от общины. К солдаткам присоединились крестьяне-общинники и новобранцы, подлежащие призыву 15 мая. Толпа разгромила в селе 20 кулацких домов.

14 и 15 мая движение перекинулось в соседние села: Верхний Мамон и Нижнюю Гнилушу того-же уезда. Разгромили две усадьбы, попортили несколько огородов.

Губернатор распорядился вызвать из Лисок 2 эскадрона расположенного там 4-го запасного кавалерийского полка на место беспорядков, и с первым отходившим поездом выехал туда вице-губернатор. Однако нараставшее движение крестьян заставило исправника с полицией выехать из упомянутых деревень, а вице-губернатор согласился на временную приостановку землеустроительных работ. По прибытии войсковых частей и вице-губернатора движение крестьян было подавлено, причем было арестовано до 20 человек.

Полиция расправлялась с арестованными крестьянами побоями и различными издевательствами. Например, 27

и 28 мая в с. Аргангельском, Тамбовской губ., пристав Лихарев вызвал в волостное правление Петра Бахтина, арестованного в качестве зачинщика выступления крестьян против наделов, и начал его избивать. На крики Бахтина сбежались «бабы» и крестьяне. Бахтина был до того избит, что местный священник пришел его причастить. Так же был избит крестьянин Сафронов. В волостном правлении полицейские стали бить Сафронова, мять и топтать его ногами. На поднятые крики Сафроновым собралась толпа, при чем жена и дочь Сафронова ударили в набат. Волнение достигло высшего напряжения, и толпа, преимущественно из женщин, стала бить стекла,—одни в волостном правлении, другие—у отрубников, третьи направились к арестантскому помещению при волостном правлении, где был заключен Сафронов, сломали замок и освободили его.

У Сафронова после этих побоев оказалась грыжа, и все тело было покрыто синяками.

В селе Ильинском, Лукояновского уезда, Нижегородской губ., 24 апреля 1915 г., после того, как хуторяне решили приступить к обработке выделенных из общины участков земли, толпа солдаток, вооруженных кольями и вилами, принудила хуторян приостановить выезд на работу, при чем вырвала и побросала в реку все межевые знаки отрубов.

На место волнений был командирован член губернской землеустроительной комиссии. Солдатки настойчиво потребовали от него составления телеграммы на имя верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, с жалобой на причиняемые им стеснения. Вместо посылки телеграммы член губернской землеустроительной комиссии потребовал стражников. По прибытии сотни стражников во главе с исправником движение было силой приостановлено.

В селе Сырятине того же Лукьяновского уезда собравшиеся солдатки с подростками, в количестве до 300 чел., в ночь на 27 апреля разгромили до 14 домов хуторян и одну мельницу, а некоторым нанесли побои. 28 апреля толпа крестьян опять собралась и держала себя угрожающе по отношению к полицейской страже.

Исправник со стражей немедленно направился к толпе, состоявшей уже из 500 чел., по преимуществу женщин, с кольями и палками в руках. В середине толпы стояла 63-летняя крестьянка Лебедникова и призывала толпу не подчиняться полиции. Крестьянок разогнали нагайками, при чем один крестьянин нанес становому приставу удар в голову. Арестовали 61 чел., в том числе и Лебедникову. Издевательство над арестованной 63-летней крестьянкой Лебедниковой со стороны стражников довело Лебедникову до того, что она решила покончить самоубийством. «Она пыталась перерезать себе горло неизвестно откуда добытым ею ножом, но прорезала лишь верхние покровы шеи и по оказании медицинской помощи была отправлена в больницу»[1].

Кроме нагаек, арестов, избиений и убийств, царское самодержавие прибегало и к другим средствам борьбы против революционного движения крестьян. Оно, например, лишало участвующих в революционном движении солдаток казенного пособия. По распоряжению Херсонского губернатора, на сельском сходе в селе Гроденицах, Одесского уезда, в котором состоялось выступление крестьян против выдела кулаков на хутора, было объявлено, что если кто-либо из жен запасных позволит себе и впредь проявить подобные бесчинства, то немедленно последует распоряжение о прекращении выдачи им казенного пособия. Но конечно, эта угроза не могла остановить взрывающихся волнений. Оставшиеся в деревнях жены мобилизованных крестьян, старики и подростки ревниво защищали себя от разграбления мироедами-кулаками. В селе Архангельском, Тамбовской губ., того же уезда, в конце мая 1915 г.,— как сообщает губернатор департаменту полиции,— на почве выделов произошло столкновение между крестьянами и полицией. Там среди отрубников имелись богатые «мироеды» — Шумский, Сапронов, Рыликов и др. Первый из них, например, обладал миллионным капиталом и имел несколько тысяч десятин земли в Тамбовской и смежных губерниях.

[1] Из донесения Нижегородского жандармского управления департаменту полиции.

Как хозяйничали кулаки в деревне—можно видеть по тому факту, что указанный выше кулак Шумский скупил в селе Архангельском у разных крестьян земли на 8 душевых наделов, всего около 200 десятин, и потребовал отвести их ему в одном участке, чем, как сообщается в донесении, «нарушил интересы многих крестьян». Эти нарушения, как известно, были связаны с каждым выделом, а все чиновники (землемеры, члены землеустроительных комиссий, земские начальники) и полиция находились на стороне выделяющихся. При выделах кулаки подкупали царских продажных чиновников посредством взяток, угощений и т. д.

Вот один из примеров такого действия, который отражен в письме члена государственной думы в Пермскую губернскую землеустроительную комиссию от 22 октября 1915 г. Из него мы узнаем, что в деревне Пожарище, Румыльской волости, крестьянам, выходящим на отруба, при нарезке земли оценка была произведена крайне недобросовестно и пристрастно, «при чем всем заправлял местный кулак, крестьянин Малышев. Для землемера слово Малышева было выше закона. Во время производства выдела пиво лилось рекой, угощали некоторых оценщиков, даже были и подачки, о чем было Богомоловым публично заявлено 21 октября непременному члену, но последний находил это в порядке вещей».

Главное, что выдвигалось бедняцкими и даже середняцкими массами в годы войны в борьбе против сельской буржуазии, — это требование прекратить выделы до окончания войны. В крестьянках укрепилась вера, что после войны вся земля перейдет в руки самого народа. Эту веру в них поддерживали письма мужей и сыновей с фронта с призывом не давать кулакам и мироедам растаскивать землю. И благодаря борьбе крестьянам во многих местах удалось прекратить выделы. Полиция под напором крестьян удалялась, как это имело место в Тамбовской, Витебской и др. губ. Иногда под угрозой разгрома хозяйственных построек некоторые из кулаков сами отказывались от выделов до окончания войны.

Революционные выступления крестьян против выделов не могли не тревожить царское правительство. Главное управление землеустройства в своем циркуляре от 1915 г. предложило начальникам губернских землеустроительных комиссий не торопиться с выделами, а подготовить их более тщательно и проводить там, где население «признало их целесообразность» и пользу, где легче возможно достигнуть «добровольного соглашения всех заинтересованных землевладельцев». А так как «добровольного соглашения всех заинтересованных землевладельцев» никогда нельзя было достигнуть, то логически вытекало, что выделы следует приостановить. Однако выделы продолжались до конца войны, хотя и в сильно сокращенных размерах.

В своей борьбе крестьяне иногда применяли угрозы в анонимных письмах по адресу царских чиновников и полиции.

Так обстояло дело в борьбе крестьян против помещиков и кулаков. Ясно, что эта борьба имела и политический характер, направленный против господства класса крепостников, против самодержавия, против политики разграбления миллионов бедноты и середняков и т. д. Вместе с этим в ряде случаев велась борьба прямо против органов власти, и здесь в особенности любопытно обстояло дело с земствами.

Летом 1914 года правительство решило во что бы то ни стало ввести в Ставропольской губ. земство. С введением земства налоги увеличились в 6 раз. Например, село Михайловка, Ставропольской губ., до введения земства платило налогов 6 800 руб. После введения земства с этого села взыскивали налогов 37 650 рублей.

Введение земства встретило сильное сопротивление со стороны населения Ставропольской губ. Против него выступали все слои населения,— беднота, середняки, кулачество и сельская интеллигенция,— за исключением помещиков. Все же методы борьбы этих слоев населения отличались друг от друга. Более зажиточная часть и интеллигенция ограничилась мирной борьбой, подачей петиции высшему начальству и т. д. Бедняки

и часть середняков, наоборот, разрушали земские постройки, боролись со стражниками и даже пытались строить баррикады. Движение против земства в тех или других формах охватывало всю Ставропольскую губ. 27 сельских обществ губернии категорически отказались от раскладки земских налогов. Волостных и сельских старост, которые стояли за введение земства, общества переизбрали. Земские школы, больницу, врачей, учителей, получавших жалованье от земства, бойкотировали. Движение против земства приняло особенно резкие формы в начале войны в селе Михайловка, Ставропольского уезда, в селах Надеждино, Александрия, Ореховка, Мирное и Алексеевка, Богородинского уезда, и в поселке Торговое, Медвеженского уезда и продолжалось еще весь 1915 год.

Как видно из донесения Терского областного жандармского управления департаменту полиции от 13 июня 1914 г., в селе Михайловка, Ставропольского уезда, около 60 женщин бросились с криками к строящейся школе, закопали фундамент и смешали с землей приготовленную для этой постройки известь. На собранном по этому случаю сходе, на котором присутствовали лишь старики, управляющий губернией, князь Щерванидзе, разъяснил сходу, что в селе нужно признать земство и платить земские повинности наравне с другими селами губернии. Закончил он следующими словами: — «Если будете чинить беспорядки, то для усмирения найдутся розги и пули». Одновременно с этим арестовали 7 мужчин и 4 женщин. Для подавления возможных революционных действий в дальнейшем в селе оставили 10 стражников.

В селе Надеждине 20 июня 1914 г. толпа женщин оказала сопротивление при производстве страховой переоценки строений, за что 7 женщин были арестованы. 25 и 26 июля волнения населения повторились, несмотря на то, что при переоценке присутствовали становой пристав и земский начальник. В должностных лиц бросали комьями земли и камнями, угрожали им вилами, и т. д. В село выехал князь Щерванидзе с отрядом стражников. По прибытии он узнал, что на одной из улиц села были устроены баррикады, которые однако

жители села, услышав о прибытии отряда стражников, как будто сами разобрали.

23 ноября 1914 г. в селе Александрия, Богородинского уезда, 30 верховых крестьян отбили арестованных по распоряжению губернатора крестьян, избили урядника, старшину, разгромили дом члена уездной земской управы Лелекова и т. д. 23 ноября движение против земских налогов перебросилось и на другие села Богородинского уезда. На место «беспорядков» было послано 75 донских казаков. 24 ноября с утра к волостному правлению с. Александрия стали собираться крестьяне небольшими партиями, человек по 10—20. Часам к 12 толпа выросла до 2 000 чел. Подростки и женщины, имея при себе палки, стучали в ставни и двери волостного правления с криком: — «Отворяй!». Возбуждение среди собравшихся росло. Стали раздаваться крики: — «Бей их!». (В волостном правлении находились 14 стражников и пристав). Толпа начала напирать на двери волостного правления, бить окна и громить волостное правление. На крыльце правления появился пристав с намерением успокоить толпу, но последняя еще сильнее заволновалась. Раздавались крики: — «Бей его!» Из толпы последовал выстрел, а в то же время некоторые из крестьян, стоявшие близко к крыльцу, пытались стащить пристава за ноги вниз. Приставом был отдан приказ стрелять. Лишь после второго залпа толпа стала отступать, но наиболее смелые, имевшие оружие, остались и вступили в перестрелку с отрядом стражников, пытаясь проникнуть во двор волостного правления. В результате столкновения в толпе оказались 7 раненых и 3 убитых. Пристав, опасаясь повторения нападения из толпы с тыла, вызвал отряд из волостного правления и рассеял оставшуюся толпу.

В борьбе против обложения земскими налогами крестьяне прибегали и к таким средствам борьбы, как распространение слухов, что земство будто бы введено без указа государя и знаменует собой возврат к крепостничеству; что всех сочувствующих земству, а также детей, оставшихся в земских школах, будут клеймить особой печатью.

Этот тип движения очень важен с точки зрения учета опыта прошлой борьбы крестьянства. Движение против земства имело краеугольным камнем, отправным лозунгом — борьбу против земских налогов. И поэтому сейчас, в момент подготовки войны и чрезвычайного развития борьбы крестьян против налогов, распродаж и пр. необходимо тесно увязать эти два момента.

Особо необходимо остановиться на том, кто был застрельщиком в этой борьбе. Застрельщиками движения, как видно из тех же донесений жандармского управления, были крестьяне, отбывшие административное наказание, т. е. связанные с революционной борьбой в прошлом, деревенская интеллигенция и прибывшие с фронта раненые солдаты. В селе Александрия движение возглавляли прибывшие с фронта недели за три до этого раненые солдаты — крестьяне Зуев и Шарнев.

Размах борьбы характеризует тот факт, что ряд губернаторов должен был поставить вопрос об отсрочке сбора налогов. Так в дальнейших донесениях Терского губернатора и жандармского управления департаменту полиции проскальзывают уже пессимистические нотки по поводу сбора земских налогов принудительным порядком. По их мнению, сборы налогов грозили повторением беспорядков и срывом введения земства. Состав земства они считали несоответствующим своим требованиям, дорогим и не знающим своего дела. Губернатор в циркуляре земским начальникам Ставропольской губ., между прочим, указывает на необходимость несколько отсрочить сбор налогов, о чем следует возбуждать ходатайства в порядке установленных статей.

Не менее упорную борьбу против государственной местной власти крестьяне вели и в других губерниях. Не говоря уже о случаях столкновений с полицией, земскими начальниками, приставами при разгромах помещичьих усадеб, рубке леса и выделах на хутора, крестьяне оказывали сопротивление местной власти также и при обысках. Обыски большей частью производились в целях розыска самовольно вырубленного крестьянами леса. Обыски редко проходили без сопротивления крестьян. Последние, обычно, вооружившись кольями, ви-

лами, не допускали полицию производить обыски. Например, жители деревни Абдала, Аксинской волости, Уфимской губ. не допустили полицейского стражника к розыску порубленного крестьянами леса. Человек 20, вооружившись чем попало, нанесли побои стражнику. Он выстрелил, но никого не ранил. Побои были нанесены также одному из понятых.

5 февраля 1914 г. в деревню Мартыново, Разуховской волости, Бежецкого уезда, Тверской губ., прибыл пристав с 5 стражниками для производства расследования о массовой порубке крестьянами дер. Мартынова леса, принадлежавшего помещику Ефремееву. При въезде в деревню пристава и стражников встретила толпа местных крестьян с женщинами и детьми и преградила им дальнейший путь. На предложение пристава очистить дорогу толпа ответила угрожающими криками, а когда пристав отдал распоряжение страже очистить дорогу, то крестьяне с криками—«Бей их»,—бросились на стражников с топорами и кольями. Со стороны крестьян были раненые.

В Семиреченской области крестьяне села Джерлес, Иржевальского уезда, 10 марта 1914 г. растащили казенного леса на 40 000 руб. К обыску крестьяне не допустили. Лишь начальнику уезда с ротой солдат удалось произвести обыск, при чем к ответственности были привлечены 53 крестьянина.

Поводом к сопротивлению местной власти служили не только обыски, но и исполнение решений судебных органов, а также взыскание различных налоговых платежей, которых, как мы знаем, на крестьянина ложилось несметное количество. Например, в Минской губ. семья Пилецкой, вооружившись камнями, при содействии своих однодеревенцев, не допустила трех стражников к своей усадьбе. Стражники приехали с целью продать кобылицу и взыскать 135 руб. пошлин. Лишь по прибытии пристава с 10 стражниками семья Пилецких уступила и уплатила требуемые от нее налоги.

В далекой Семипалатинской губ. имело место выступление крестьян-киргиз против царской полиции. 17 апреля 1914 г. киргизы Долбинской волости по при-

бытии стражников во главе с приставом оказали им сопротивление. Стражники прибыли для описи и продажи, согласно исполнительному листу мирового судьи, имущества гр. Молдабая и Салыких Албидаковых. Киргизы не допустили стражников к описи имущества, разоружили их, освободили арестованный скот. Приставу удалось бежать, а трех стражников киргизы арестовали.

Эта борьба крестьян против распродажи их имущества с молотка сейчас получила весьма широкое распространение и развитие в капиталистических странах. Из введения мы видим, что особенно в условиях современного экономического и переплетающегося с ним аграрного кризиса распродажи возросли до невероятных размеров. Например, в одном из штатов Северной Америки была распродана четвертая часть всей пахотной земли. Поэтому сопротивление распродажам, организация этого сопротивления является одной из форм, которую надо всемерно поддерживать и расширять в капиталистических странах, поднимая ее на высшую ступень, увязывая с борьбой против войны, с борьбой за рабоче-крестьянское правительство.

Были также случаи, когда крестьяне, вооружившись кольями, нападали на полицейскую стражу, охранявшую то или другое имение. Крестьяне Кухарской слободы, Радомысльского уезда, Киевской губ., в числе 150 чел. обоего пола, в мае 1915 г., вооружившись кольями, напали на местного пристава, 2-х урядников и 7 полицейских стражников, вызванных управляющим имением Кухари, принадлежавшем помещику Бубнову; при этом обоим урядникам были нанесены удары кольями. После выстрелов со стороны полиции и ранения одной крестьянки толпа разбежалась.

В Астраханской губ., в селах, прилегающих к берегам Волги и Каспийского моря, крестьяне в первые годы войны вели упорную борьбу с рыбным надзором и стражниками. Особенно острые формы эта борьба приняла в первые месяцы мобилизации. Каждое столкновение с рыбным надзором влекло за собой жертвы с обеих сторон. Движение крестьян было направлено про-

тив притеснительных законоположений о рыбной ловле, а также против частновладельческих рыболовных фирм, в частности фирмы бр. Сапожниковых, которые неимоверно эксплоатировали своих наемных ловцов. Кроме того, между ловцами-крестьянами и частновладельческими фирмами часто происходила борьба из-за морских зон рыбной ловли. Отметим несколько случаев столкновений.

8 июня 1914 г., на расстоянии одной версты от села Раздор, Астраханского уезда, стражники заметили ловцов, вылавливающих в запрещенной морской зоне рыбу сетями. Стражники погнались за ловцами. Когда они возвращались обратно на моторе, у села Раздор толпа крестьян, вооруженная палками и камнями, встретила их с криками:—«Бей их!». Они окружили лодку ловцов и не допускали туда стражников. Пристав Степанов, открыл стрельбу по толпе, после чего крестьяне разошлись.

22 июля 1914 г. жители села Каралата, Астраханского уезда, в количестве до 50 чел., на 15 лодках напали на стоявшие на взморье, верстах в 15 от промысла, две бранд-вахты, принадлежавшие частному владельцу, Исаеву, и открыли из имеющихся дробовых ружей стрельбу по ним. После того как рабочие-киргизы покинули бранд-вахты, ловцы подожгли их и скрылись. Поджог был произведен, как видно из сообщения Астраханского губернатора департаменту полиции, из-за обостренных отношений между крестьянами-рыбаками и фирмой Исаева. Крестьяне особенно были озлоблены поведением рыбного надзора.

4 августа посланные с парохода помощником смотрителя 13 участка на лодках 50 стражников с 12-ю рабочими наткнулись в районе между селениями Оля и Ракуши, Астраханского уезда, на несколько лодок обловщиков, производивших «незаконный» лов в предъустьевом запретительном пространстве. Одну лодку надзор настиг около села Ракуши, саженях в 50 от берега. Тогда из села Ракуши на помощь застигнутым жителям этого поселка выехали крестьяне-рыбаки и вступили с надзором в драку. Стражники открыли огонь из револьверов. В результате стражникам удалось двоих арестовать,

Но бывали случаи, когда крестьяне-ловцы заставляли стражников удалиться с постов. Например, 27-го июля, в 11 час. утра, на посты рыбного надзора, стоявшие в Марьяновом и Гандруинском банке, напали 15 бударок, с 60 жителями села Травино, Астраханского уезда. Находившиеся на этом посту 4 стражника были вынуждены оставить посты. 1-го августа рыбным надзором фирмы «бр. Сапожниковых» была организована облава на обловщиков, при чем они обнаружили 20 бударок с 50 обловщиками. На предложение прекратить лов и разойтись обловщики начали сопротивляться, защищались камнями и шестами. Стражники пустили в ход оружие, при чем произвели свыше 15 выстрелов; несколько человек ранили и 14 арестовали.

В августе губернатор Астраханской губ. в донесении департаменту полиции сообщал, что «с уходом значительной части рыболовных чинов стражи дерзость обловщиков некоторых селений стала переходить всякие границы. Обловщики начали нападать на рыбный надзор скопом, иногда в несколько десятков человек и даже дошли до поджогов... Жители села Зюзина пренаивно объясняют свой облов желанием помочь семьям мобилизованных». Губернатору бедственное положение населения и его желание помочь семьям призванных на войну показалось «пренаивным» объяснением. Против этих объяснений губернатор не постеснялся выдвинуть самые жестокие карательные меры. В августе вице-губернатор совместно с прокурором Астраханского окружного суда и управляющим Каспийско-волжскими тюленьими и рыбными промыслами, в сопровождении отряда стражников, объехали неспокойные ловецкие районы, при чем произвели массовые аресты и другие издевательства над населением. Репрессиями вице-губернатор вынудил у населения обещание больше не повторять случаев «озорства». «Будут ли эти обещания сдержаны,— я не знаю»,— отмечает губернатор в донесении. Но, по его мнению, это зависит от того, войдет ли ловецкое население в норму или же «разнузданность» его продолжится. Что население не сдержало вынужденных репрессиями обязательств и не соблюдало нормы цар-

ского правительства, свидетельствуют факты новых столкновений, возникших в сентябре между ловецким населением и стражниками. Массовые столкновения продолжались и в 1915 году.

Мы не имели возможности в достаточной мере ознакомиться с материалами, чтобы судить со всей полнотой о связи армии с тылом и об ее влиянии на революционное движение крестьян. Все же из тех отдельных, отрывочных данных, которые имелись в нашем распоряжении, видно, что связь эта и влияние существовали. Почти во всех более серьезных выступлениях в деревне против крупных помещиков и буржуазии главными вдохновителями всегда фигурируют прибывшие с фронта для поправления здоровья солдаты. Последние, перетерпевшие на фронте различные мучения, — голод, холод, ранения и проч., — не могли не реагировать на притеснения помещиков и кулаков. Участие прибывших с фронта солдат в крестьянском движении зафиксировано в Минской губ. при порубках леса. В ряде других губерний — Могилевской, Полтавской, Ставропольской и др., — были случаи, когда прибывших с фронта солдат арестовывали в качестве зачинщиков движения. Солдаты с фронта иногда посылали анонимные письма с угрозами — жестоко расправиться со всеми кулаками, выделявшимися на хутора. Например, проживавший в слободе Баяке, Богучарского уезда, Воронежской губ., крестьянин Попов, намеревавшийся выделить свою чересполосную надельную землю к одному месту, в конце июля 1915 г. получил из действующей армии в конверте за казенной печатью 20-го Запасного Могилевского полка анонимное письмо, в котором от имени призванных солдат содержалась угроза жестоко расправиться по возвращении с войны со всеми домохозяевами, переходящими к владению землей на началах личной собственности, при чем автор угрожал посчитаться также с волостным старшиной и урядником, оберегающими «законные» интересы собственников [1].

---

[1] Из секретного донесения воронежского губернатора департаменту полиции.

Правительство стало сильно беспокоиться по поводу проникновения сведений из тыла в армию и обратно. Главнокомандующий распорядился усилить военную цензуру над письмами солдат и солдатских семей. Однако, несмотря на военную цензуру, в деревню проникали письма солдат с революционным содержанием. Начальник Нижегородского жандармского управления сообщал, что весной 1915 г. призванные по мобилизации крестьяне стали писать своим женам, чтобы они не допускали проводить новые законы о землеустройстве до возвращения с войны мужей, и возбудили об этом ходатайство перед верховным главнокомандующим. Аналогичные сведения сообщает департаменту полиции и Тамбовское губернское жандармское управление. Из его донесений мы узнаем, что солдатки вдохновлялись и побуждались к революционной борьбе письмами родственников с фронта. Так, некий раненый прапорщик Бурей, проживая в Бобруйске, в июле 1916 г. пишет жене Пархоменко, чтобы она не вступала ни в какие соглашения насчет пашни и пасла свою скотину на помещичьей земле, не боясь никого, кроме бога и царя. (Прапорщик наивно думал, что царь ничего не знает о роли помещиков, кулаков и местной власти). Он уверял Пархоменко, что был приказ его величества засевать всю землю, сеять, где только можно, и всему обществу пользоваться землями и лесами как своей, так и пустующей помещичьей. В конце письма Бурей просит, чтобы его письмо прочитали на сходе, а также, чтобы показали батюшке, и заканчивает его словами: «Но не бойтесь ни исправника, ни самого пристава; лягте все костьми за целость России и родину и требуйте себе отвода для пастбищ скота и посева хлеба, а эти ваши заведующие и все высшее близкое начальство — карманщики и обиралы бедного люда». В этих словах ясно выражены требования и психология крестьянина, стремившегося стать буржуем, готового «лечь костьми» за землю, луга и пастбища. Бесспорно, что подобные письма поддерживали революционное настроение крестьянских масс.

В 1916 г. на фронте сильно были распространены слухи, что после войны солдат будут наделять землей,

принадлежащей проживающим в России немцам. В апреле 1916 г. некий рядовой 10 роты лейб-гвардии Измайловского полка, Круподар, будучи в отпуску на родине, в дер. Ново-Михайловке, Херсонской губ., запродал свою землю, при чем на вопросы односельчан объявить причины продажи, ответил, что ротный командир, у кого он служит вестовым, разъяснил ему, что всем нижним чинам будут даром раздаваться по окончании войны немецкие земли. Один из вернувшихся из армии крестьянин того же села, при опросе жандармерией, заявил, что в армии подобные слухи имеют общее распространение. Кроме того, солдаты на фронте по окончании войны ожидают войны внутри России из-за того, что все богачи откупились и не несут военной службы.

Находившиеся в тылу запасные воинские части также оказывали некоторое влияние на настроение крестьян. Начальник Тамбовского жандармского управления жалуется, что за последнее время, т. е. в начале 1916 г., в пригородных слободах Кирсановского уезда стало замечаться слабое поступление податей. Главным образом недоимки остаются за семьями тех, члены коих находятся на войне. «Попутно с этим, — продолжает он, — стали циркулировать слухи, что расквартированные в этих слободах нижние чины 3-го запасного кавалерийского полка подстрекают крестьян, преимущественно жен призванных на войну, к неплатежу каких бы то ни было повинностей. Например, в слободе Уварщине, когда сельский староста потребовал от некоей крестьянки этого села недоимки, один из квартирующих там солдат, Овсянников, сказал: — «Какие же тут деньги взыскиваете вы? Мы служим и платить вам не обязаны; если я приеду домой после войны и узнаю, что староста взыскал недоимку с моей жены, то я из него все кишки вымотаю».

VI. Настроение крестьянства перед Февральской революцией

Революционное движение крестьян в 1915 г., по сравнению с 1914 годом, по тем неполным материалам, которые имелись в нашем распоряжении, заметно уменьшилось. Это уменьшение объясняется тем, что весь 1915 год прошел в военной обстановке, тогда как в 1914 г. военные условия создались лишь с июля. В 1916 году случаи выступлений крестьян против помещиков, против выделов кулаков и за свободу рыбной ловли продолжали сокращаться. (См. табл. на стр. 86). Однако в 1916 г. появляются новые причины к недовольству в стране. Начинается полоса «продовольственных беспорядков», разгромов продовольственных и других магазинов. Хаос в хозяйственной жизни страны, ажиотаж и спекуляция на рынке не могли не вызвать активных революционных действий со стороны крестьян. Особенно тяжело продовольственный кризис отразился на бедняцких слоях города и деревни. Вслед за разгромами продовольственных лавок в городах, солдатки в деревнях стали громить базары и магазины. По далеко не полным данным из отчетов губернаторов департаменту полиции о настроениях населения мы имеем сведения о 33 случаях выступлений крестьян против дороговизны и спекуляции. Выступления эти происходили в Нижегородской, Новгородской, Томской, Семиреченской, Самаркандской и других губерниях и областях. В июне 1916 г. по всей Нижегородской губ. прошли открытые погромы продовольственных магазинов. Движение началось в пригородах Нижнего Новгорода — Гордеевке, Архипове и на Бору. Потом оно перебросилось в Малиновку, Неклюдовку, в селения Семеновского и Балах-

нинского уездов и, наконец, в села более отдаленных от Н.-Новгорода Лукояновского и Княгининского уездов. Основными действующими лицами в этих выступлениях были солдатки из бедноты. Безвыходное положение было основой, определившей их революционную борьбу. Однако Нижегородский губернатор—иного мнения о причинах волнений. В своем отчете он пишет: «Главными действующими лицами во всех этих беспорядках были «солдатки» — жены лиц, призванных на войну. Избалованные (?!) за годы войны всякими подачками от казны и разных благотворительных обществ и учреждений, поставленные в привилегированное положение, они явились первыми зачинщицами и подстрекательницами во время волнений». «Его превосходительство» считало, что солдатки совершали «беспорядки» из-за хорошей жизни; борьба с полицией для них была, мол, чем-то вроде спорта. Другой оценки конечно и нельзя было ожидать от представителя царского самодержавия.

В Саратове на почве дороговизны произошли «беспорядки» в крупном селе Мамонтове, где 15 марта 1916 г. толпа, состоявшая главным образом из женщин и подростков, пыталась громить мануфактурные магазины из-за дороговизны ситца. 26 июля в селе Самойлове, Балашовского уезда, той же губернии, солдатки разгромили 9 мануфактурных лавок. Арестованы были 21 человек.

В Астраханской губ., в селах Черноярского уезда Заветном, Княгине, Торговом, Федосеевке, Киселевке в июне произошли волнения крестьян на почве дороговизны. В одних местах крестьяне разгромили торговые лавки, а в других заставляли торговцев продавать товары по пониженным ценам.

В марте и апреле произошли массовые волнения в Семиреченской области: 28 марта в селе Ново-Андреевском, Лепсинского уезда, 30 марта—в селе Стефановском, того же уезда, 4 апреля—в селе Михайловском, Керенского уезда, и 28 марта в селе Преображенском, Пржевальского уезда. Были разгромлены мануфактурные лавки, при чем убытки торговцев оказались довольно серьезными. Сельская администрация повсюду была бессильна предотвратить беспорядки. П о в с ю д у

поводом к беспорядкам являлись письма мужей-солдат с фронта, с приказанием: «бейте, — ничего не будет»[1].

Влияние фронта на революционные выступления тыла отмечается и другими губернаторами. Из донесения томского губернатора мы узнаем, что в Мариинском уезде большинство крестьянского населения крайне недовольно взысканием недоимок окладных сборов, при чем прибывающие с фронта в отпуск нижние чины советуют своим ближним воздержаться от всяких платежей, указывая, что после войны жизнь крестьянина изменится к лучшему, и «солдаты возьмут свое».

Помимо выступлений против дороговизны и спекуляции, имевших место еще во многих других губерниях, в 1916 г. наблюдается еще более опасное для царизма явление, — начинает расти сильное недовольство против мобилизации в армию.

Нижегородский губернатор сообщает, что сильное недовольство мобилизацией проявляют малосостоятельные, — особенно призванные на войну. Возмущаются главным образом по поводу освобождения от военной службы или зачисления на тыловые работы элементов из более состоятельных классов. Особое недовольство по поводу мобилизации крестьянство проявило в августе 1916 года. Официальные документы говорят, что недовольство достигало крайне высокого напряжения. Военная мобилизация была объявлена как раз во время уборки урожая, в самый разгар сельскохозяйственных работ. Саратовское губернское управление отмечает, что объявление мобилизации в самый разгар сельскохозяйственных работ объяснялось в простом народе влиянием Германии, которая-де, не будучи в силах победить Россию на полях сражения, решила взять ее голодом. И интересно то, что царское правительство было вынуждено на некоторое время мобилизацию отложить. В то же время царское правительство обратило свои взоры на колониальные владения в Средней Азии.

---

[1] Из донесения военного губернатора Семиреченской области от 26 апреля 1916 г.

До войны и в период войны до середины 1916 года киргизское население и некоторые другие инородцы никогда не призывались на военную службу. По «высочайшему повелению» от 25 июня 1916 г. все мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно было мобилизовано на тыловые работы. Одновременная и спешная мобилизация 25-ти возрастов мужского населения сильно взволновала киргизское население. Местные же власти Туркестана распорядились провести мообилизацию в самый кратчайший срок, не считаясь с разбросанностью населения. Призыв на тыловые работы вызвал среди населения киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской областей глухое брожение, вскоре перешедшее в открытое восстание.

Восстание началось в августе и сильнее всего проявилось в Пишпекском, Пржевальском уездах и Нарынкальско-Чарынском участке Джаркентского уезда, где оно охватило все побережье Иссык-Куля, долины Каркару и реки Текаса. Вначале киргизы, терроризированные местными властями, выступили против сельских и волостных правителей. Но восстание было направлено против колонизаторов края. Многолетняя злоба против царского колониального грабежа не могла не вылиться наружу. Даже военный губернатор Семиреченской области, генерал Фальбаум, в своем донесении Туркестанскому генерал-губернатору должен был признать, что «главнейшими причинами недовольства киргиз, приведшими к открытому возмущению, надо считать изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин и, как следствие этого,— земельное стеснение киргиз и сокращение площади кочевок, особенно,— с изъятием в казну огромных лесных площадей, куда киргизы стали допускаться только по билетам, а также форсированное водворение и устройство до 40 тыс. крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпекского и Пржевальского уездов».

Борьба против мобилизации сочеталась с борьбой против национального гнета, царившего в царских колониях.

Восставшие киргизы, вооружившиеся чем попало, уничтожили церкви, школы, станции, построенные колонизаторами. Жгли и разрушали дома русских пришельцев. Всего было разрушено и сожжено до 2 600 домов. Однако восстание, как стихийное, было плохо организовано, и вследствие этого натиск на противника был недостаточно упорен. Царское же самодержавие мобилизовало все свои силы на подавление восстания и со всей ему присущей зверской жестокостью уничтожило хозяйства, скот и хлеб киргизского населения. Киргизы тысячами бежали через границу в Китай, но не были приняты китайскими властями и были вынуждены вернуться обратно и отдаться в руки царских палачей. Все же самодержавие лишь с большим трудом подавило восстание. Для этой цели было призвано на службу ополчение Семиреченского казачества и использованы были все нестроевые команды. Войска были пополнены добровольцами из колонизаторов и солдатами, находившимися в отпуску. За недостатком оружия реквизировалось охотничье оружие в магазинах. Деревенское население было сведено в десятки, сотни и дружины. Только при таких чрезвычайных усилиях самодержавия киргизское восстание потерпело поражение.

Мобилизация инородцев встретила сопротивление со стороны не только киргиз, но и со стороны других инородцев были оказаны сопротивления мобилизации. Например, в Закаспийской области, по донесению Закаспийского губернатора, в июле 1916 г. на этой почве замечалось брожение среди инородческого населения. Население общества Джафарбай Чикишлярского приставства, Красноводского уезда, в числе 160 кибиток, оказав вооруженное сопротивление, перекочевало в Персию.

Экономическое и политическое состояние страны продолжало ухудшаться. К концу 1916 г. оно приняло угрожающий для царского правительства характер. Возрастающая дороговизна на предметы первой необходимости, спекуляция и ажиотаж на рынке вызвали сильный ропот во всей стране. В донесениях губернаторов с каждым месяцем все больше слышится тревога о серьезности положения страны. Орловский губернатор сооб-

щает, что со всех сторон слышатся жалобы, нарекания и даже угрозы по адресу правительства и местных властей за непринятие ими действительных мер к обеспечению населения жизненными продуктами. Часто жалобы и угрозы эти выражаются в форме анонимных писем, поступающих к местным властям в разных губерниях и свидетельствующих о крайнем возбуждении населения создавшимися экономическими тяжелыми условиями жизни.

Царское правительство было бессильно что-либо предпринять против растущего хаоса в стране. Установленные твердые цены на хлеб не соблюдались. На предполагавшиеся реквизиции хлеба крестьянство уже заранее реагировало отрицательно. Следовательно, всей стране грозил неминуемый голод. Из-за спекуляции и недостаточного подвоза продовольствия многие города и промышленные центры стали ощущать сильный недостаток в продовольственных продуктах. Многие фабрики и заводы прекратили работу. Как видно из докладной записки председателя гос. думы, Родзянко, Николаю II, Москва, вместо 86 вагонов муки—ее ежедневной нормы, установленной продовольственным совещанием, в декабре получала лишь 50 вагонов, а в январе—46. Петроград (Ленинград) получил муки 50% установленной нормы, а масла — 25%. Совет съездов горнопромышленников, как видно из того же донесения, сообщил, что многие рудники и заводы остались совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода.

Не лучше обстояло дело снабжения продовольствием бедняцких масс в деревне. В докладе Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции за октябрь 1916 г. экономическое положение в деревне характеризуется следующим образом:

«Крестьяне, запуганные реквизициями, недовольные вмешательством в торговые сделки губернаторов и полиции, не хотят продавать хлеб и другие припасы, опасаясь, что им заплатят по таксе. Никаким уверениям в том, что им заплатят по правильной расценке и сообразно с их требованиями, они не верят. Вследствие этого оказывается, что в провинции совершенно нет

продуктов: крестьяне, считаясь с ценами на городские товары (сахар по 1 руб. 50 коп. за фунт, чай по 4 руб. за фунт, колбаса — по 2 руб. за фунт и т. д.), не хотят продавать свои товары, так как боятся продешевить. Дороговизна чувствуется в деревне не меньше, чем в городе».

Совершенно ясно, что больше всего в деревне от дороговизны терпел бедняк. Царские чиновники не любили подразделять в своих отчетах деревенское население на существующие классовые слои. Деревня «вообще», без подразделения на классовые прослойки, прикрывала существующий антагонизм в деревне и действительных виновников положения.

Тяжелое экономическое состояние страны, в свою очередь, пробудило в крестьянских массах интерес к политическим вопросам. Этому содействовали также прибывшие с фронта в отпуск и на поправку солдаты и агитация отдельных членов революционных организаций во время крестьянских выступлений. Из того же доклада Петроградского охранного отделения мы узнаем, что деревня больше не верила в успех войны. По словам страховых агентов, учителей и других представителей деревенской интеллигенции, как это отмечается в докладе, все ждут и не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война.

«Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны после 1906 г. почти совершенно не наблюдалось, и говорят о том, что надо бы повесить Сухомлинова, «вздернуть» 10—15 генералов, и мы бы стали побеждать... Настроение крестьян в деревне стало резко оппозиционным не только по отношению к правительству, но даже и к другим классам населения».

Дальше в докладе указывается, что, по словам уполномоченного по продовольствию, вернувшегося из поездки по Поволжью, в деревнях наблюдается революционное брожение в роде того, которое имело место в 1906-1907 гг.: «повсюду обсуждаются политические вопросы, выносятся постановления, направленные против помещиков и купцов, и устраиваются ячейки разных организаций. Конечно, объединяющего центра еще нет, но

надо думать, что крестьяне объединяются через кооперативы, которые ежемесячно растут по всей России».

Оказывало влияние на положение в деревне развитие борьбы в городе — рост продовольственных беспорядков, назревание революции. Ведущая роль города и городского пролетариата в назревании революционной обстановки перед Февралем ясна.

Вкратце изложенное нами экономическое и политическое состояние деревни ясно говорило, что в ней назревала революционная ситуация. Если учесть еще существовавшую тесную связь между тылом и армией, то для нас нет никаких сомнений, что деревня стояла перед новой революционной волной, более могучей, чем волна 1905—1906 г. Деревня стояла перед революцией. Общее положение вещей, упадок производительных сил, продовольственный кризис, спекуляция и т. д. толкнули ее вперед, к решительным боям. Средневековая помещичье-феодальная система эксплоатации не выдержала, потерпела крах, вызвав в тылу и в армии голод, разорение и бедствия.

Ленин еще в 1915 г., в статье «О двух линиях революции», как мы уже вначале отметили, писал: «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. Сам Хвостов говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 год... Военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие ее (мелкую буржуазию,—Я. Н.) и крестьянство в том числе— влево. В этом—объективная основа полной возможности победы демократической революции в России... Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский... Но антагонизм «крестьянства» и Марковых-Романовых-Хвостовых усилился, возрос, обострился».

Борьба крестьянства с помещиками за землю, лес, пастбища, — с одной стороны, и борьба среди самого крестьянства против выхода на отруба, с другой,— с достаточной ясностью показали нам этот двойственный процесс растущих антагонизмов в деревне. Упадок производительных сил в деревне, дороговизна, спекуляция

и разорение бедняцких масс за годы войны сильно обострили эти антагонизмы.

Однако Февральская революция 1917 г. не освободила крестьян от помещичьего гнета и кабалы. Буржуазия, ставшая у власти в Февральские дни через посредство социал-шовинистов, с их помощью повела в отношении деревни политику активного подавления революционной борьбы крестьян против помещиков. Буржуазия больше боялась революции, чем реакции. Ведь конфискация одного вида собственности, т. е. помещичьей земли, могла бы послужить примером для конфискации собственности и у городской буржуазии. Буржуазия тесно срослась с помещиками как в области экономики, так и политики. Она вместе с помещиками была заинтересована также в продолжении войны. Конфискация помещичьей, казенной, монастырской земли означала бы конфискацию сотен миллионов банковского капитала, выданного помещикам за заложенные в банках земли. Помимо того, банковый капитал был связан тысячами нитей со всеми важнейшими предприятиями частновладельческого хозяйства, в том числе и с помещичьими хозяйствами. Следовательно, конфискация помещичьей земли не могла быть осуществлена без свержения власти буржуазии.

Эту задачу выполнила Октябрьская социалистическая революция, которая попутно завершила и задачи буржуазно-демократической революции в деревне. Октябрьская революция конфисковала помещичью, церковную и монастырскую землю со всем сельскохозяйственным инвентарем.

Неполные цифровые данные о различных видах выступлений крестьян в годы войны.

(По материалам департамента полиции)

Виды выступлений	1914	1915	1916
Выступлений против помещиков	18	19	13
Выступлений против сельской буржуазии	10	14	7
Выступлений против местной власти (взыскание налогов, обыски, приведение в исполнение постановлений Суда	41	2	4
Выступлений против мобилизации и реквизиции	1	—	2
Выступлений против монополии рыбной ловли	10	1	3
Выступлений против спекуляции и дороговизны	—	—	33
Итого	**80**	**36**	**62**

Заключение

Великая Октябрьская революция освободила трудящихся крестьян России от помещичье-буржуазного гнета. Руководство ленинской партии, правильные взаимоотношения пролетариата с крестьянством привели их вплотную к социалистической переделке сельского хозяйства. Крестьяне на опыте убедились в преимуществах крупных коллективных сельских хозяйств перед мелкими индивидуальными хозяйствами и быстрыми темпами ликвидируют свою вековую отсталось, это наследство царизма. Темпы роста коллективизации превышают все намеченные плановые задания. Если на 1 апреля 1929 г. процент коллективизированных крестьянских хозяйств в СССР составлял 3,9%, то на 15 сентября 1930 г. их было уже 24,1%, на 10 апреля 1931 г.—53,7% и в конце 1931 г.—62%. В основных зерновых районах — Заволжьи, Средней Волги, Крымской степи — уже завершена в основном сплошная коллективизация и кулачество как класс ликвидировано.

Быстрые темпы роста коллективизации говорят, что в ближайшее время, т. е. в 1932/33 г., коллективизация в СССР в основном будет закончена. «Полная победа в сельском хозяйстве колхозов и совхозов, охвативших в итоге посевной кампании текущего года $^4/_5$ всей яровой посевной площади, свидетельствует о том, что СССР окончательно утвердился на новом социалистическом пути. Буржуазная теория возврата СССР к капитализму тем самым окончательно разбита и развеяна в прах»[1]. Жизнь вдребезги разбила взгляды правых оппортунистов — агентуру кулачества внут-

[1] Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б).

ри партий, отстаивавших путь развития через индивидуальные крестьянские хозяйства и скатывавшихся к защите капиталистического (кулацкого) пути развития; она разбила их пессимизм и неверие в творческие способности многомиллионных масс. Утверждение правых, что «коллективные хозяйства — это не столбовая дорога, не главный путь, по которому придут к социализму» широкие крестьянские массы, окончательно похоронено навсегда. Бедняцко-середняцкие слои деревни пошли по пути коллективизации своих хозяйств, отбрасывая в сторону путь развития индивидуальных хозяйств, ведущий к победе не социализма, а капитализма. Несомненно, что идеи и тактика правых лили воду на мельницу контрреволюционных идей Громана, Чаянова, Кондратьева. Чаянов в своей книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» писал: «Вы спрашиваете о тех новых началах, которые внесла в нашу социальную и экономическую жизнь крестьянская власть. В сущности говоря, «нам не нужны какие-либо новые начала; наша задача состояла в утверждении старых вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства». Нежелание Чаяновым «каких-либо новых начал» говорит, что все его мечты и действия направлены были в сторону реставрации старых порядков, бывшей столыпинщины, которую буржуазия с помощью социал-демократии проводит во многих капиталистических странах. Международная социал-демократия в крестьянском вопросе в данное время особенно опирается на кулацко-народническую теорию Чаянова, защищавшего давным-давно избитую теорию буржуазных теоретиков «закона убывающего плодородия», посредством которого он пытался доказать жизненность индивидуальных (читай—кулацких,—Я. К.) крестьянских хозяйств и несостоятельность крупных социалистических. Социал-фашисты в капиталистических странах в целях спасения буржуазии от гибели пытаются доказывать малоимущим массам крестьянства жизненность мелких крестьянских хозяйств и полную возможность найти выход из тяжелого кризисного состояния без классовой борьбы, посредством

требования от правительств дешевых кредитов, хлебной монополии и т. д.

Путь развития сельского хозяйства в СССР показывает всю лживость и контрреволюционность народнических и социал-демократических теорий, выступающих против коллективизации. Коллективизация мелких индивидуальных крестьянских хозяйств дает невиданные еще в истории человечества возможности развития сельского хозяйства, роста производительных сил и благосостояния рабочих и крестьян. Преимущество колхозных хозяйств перед индивидуальными мелкими показывают данные о том, что доходность крестьянских колхозных хозяйств в два раза выше доходности индивидуальных. В хорошо организованных колхозах эта доходность даже в три раза превышает доходность индивидуальных. Высокая доходность колхозных хозяйств получается благодаря преимуществам, которые имеет крупное социалистическое земледелие, т. е. возможности рационального использования в колхозах тракторов и сложных сельскохозяйственных машин, правильной организацией и рационального использования рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, правильной расстановке и организации труда колхозников, которые проявляют энтузиазм и считают свой труд делом чести и славы. Она получается и потому, что в колхозах нет кабалы и эксплоатации кулака.

Благодаря правильной ленинской политике партии, приведшей к высоким темпам индустриализации страны, в сельское хозяйство внедряются сотни тысяч тракторов и сельскохозяйственные машины на миллиарды рублей. В 1927 г. в СССР была только одна машинно-тракторная станция, в 1931 г. число МТС увеличилось до 1 574, а в 1932 г. их будет около 3 100.

Быстрый рост технизации сельского хозяйства и дальнейшие громадные возможности ее роста возможны только при социалистических формах сельского хозяйства, при которых не существует эксплоатации чужого труда. В капиталистических странах тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами могут пользоваться только помещики и крупные капиталистические

фермы. Например, в Америке, несмотря на наличие там около миллиона тракторов, большинство крестьянских хозяйств, примерно 80%, не могут пользоваться преимуществами тракторов. Только через коллективные социалистические формы хозяйств многомиллионное мелкое крестьянство может приобщиться к машинам и тракторам. «Кто может отрицать, что колхозы не являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое крестьянство к машинам, тракторам, как к рычагам хозяйственного подъема, как к рычагам социалистического строительства» (Сталин).

При социалистических формах сельского хозяйства — колхозах и совхозах — возможна более рациональная эксплоатация тракторов и машин, чем в капиталистических странах. В СССР нагрузка тракторов в машинно-тракторных станциях и совхозах на 1931 г. определяется в 2 500 часов, а в Северо-Американских Соединенных Штатах нагрузка трактора достигает в среднем только 400—600 часов в год.

Но было бы неправильно, если бы мы ограничились только указанием на быстрый процесс технизации сельского хозяйства в СССР, развивающийся на основе быстрого роста социалистической промышленности и забыли о повышении производительности труда, которое получается даже при простом соединении сельскохозяйственного инвентаря индивидуальных крестьянских хозяйств и труда самих крестьян в условиях коллективизации. Несомненно, что техническая реконструкция сельского хозяйства поднимает в огромных размерах производительность труда, облегчает труд колхозника и повышает его доходность, но опыт показал, что и без машинизации сельского хозяйства, при простом сложении инвентаря индивидуальных крестьянских хозяйств и применении социалистических форм обработки земли, доходность колхозника вдвое превышает доходность индивидуального крестьянина. На эту положительную, характерную особенность колхозной системы следует обратить особое внимание, ибо она является одним из основных стимулов, побуждающих крестьян вступать

в колхозы. Удельный вес машинно-тракторных станций в обработке колхозных посевов в весеннюю посевную кампанию 1931 г. составлял свыше трети яровых колхозных посевов (свыше 20 млн. гектар.), оставляя таким образом, почти две трети на долю рабочего скота и инвентаря крестьянина-колхозника. (В 1932 г. МТС вспахали уже 50%). И несмотря на это, крестьяне-колхозники в крупных размерах увеличили посевную площадь. Посев на двор в колхозе еще в 1931 г. в 2—3 раза превысил посев на двор единоличника. Организованный труд колхозника-крестьянина также дает резкое повышение производительности. Этот огромный эффект, который получается при организованном массовом труде в колхозах даже из простого сложения имеющегося инвентаря крестьян-колхозников, вдребезги разбивает утверждения правых и троцкистов, что без полной тракторизации и машинизации сельского хозяйства нельзя было думать о колхозах.

Вопреки всем утверждениям правых оппортунистов о деградации сельского хозяйства, мы имеем на деле огромный рост посевной площади. За один 1931 г. посевная площадь расширилась на 15 миллионов га, и за 1932 г. уже превышает выполнение задания пятилетнего плана.

Колхозное крестьянство превратилось в центральную фигуру земледелия, а роль бедняка и середняка-единоличника в сельскохозяйственном производстве стала второстепенной.

Исключительные успехи мы имеем также и в области строительства совхозов. По сравнению с 1930 годом посевная площадь совхозов увеличилась в весеннюю кампанию 1931 г. в два с половиной раза. (В весенний посев в 1932 году эта площадь составляла 10 800 тысяч га.

Социалистический путь развития сельского хозяйства, путь развития колхозов и совхозов, освобождает многомиллионную массу крестьян от неимоверно тяжелого труда и нищеты, повышает во много раз их благосостояние и навсегда уничтожает эксплоатацию сельской бур-

жуазии. Уже к концу первой пятилетки, на основе успехов сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, мы имеем подрыв в деревне корней капитализма. «Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [1].

Совсем другие результаты получились бы, если бы мы стали на путь правых, выступающих против быстрых темпов развития социалистической промышленности, колхозов и совхозов. «Что было бы,— указывал т. Сталин на XVI съезде ВКП (б),— если бы мы послушались правых оппортунистов из группы тов. Бухарина, если бы отказались от наступления, свернули бы темп развития индустрии, задержали бы развитие колхозов и совхозов и базировались бы на индивидуальном крестьянском хозяйстве? Мы наверняка сорвали бы нашу индустрию, загубили бы дело социалистической реконструкции сельского хозяйства, остались бы без хлеба и расчистили бы дорогу для засилия кулачества. Мы сидели бы у разбитого корыта».

Огромные успехи в деле социалистической перестройки сельского хозяйства достигнуты в результате долголетней борьбы за правильные взаимоотношения пролетариата с крестьянством, за осуществление учения Ленина о союзе пролетариата с крестьянством.

Борясь за ленинские принципы как с правым оппортунизмом, главной опасностью на данном этапе, выхолащивающим пролетарское классовое содержание из союза пролетариата с крестьянством, подчиняющим в этом союзе интересы пролетариата интересам сельской буржуазии (кулачества), так и с контрреволюционным троцкизмом, игнорирующим союз пролетариата с крестьянством, беспощадно борясь со всякими отклонения-

---

[1] Из резолюции XVII партконференции ВКП (б).

ми от генеральной линии партии, ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным сумел обеспечить победу социалистических элементов над капиталистическими.

Разбивая на каждом шагу буржуазные и мелкобуржуазные теории, Ленин продолжал развивать взгляды Маркса по вопросу о мелких крестьянских хозяйствах. Он выработал пути, методы и формы перехода от мелких крестьянских хозяйств к крупным, применительно к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Еще в 1905 г. Ленин говорил о необходимости для с.-х. пролетариата и бедноты в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, бороться за передачу им лучших помещичьих имений и использование этих имений на кооперативных началах. В 1917 г., после Февральской революции, и особенно в 1918 г. после победившей Октябрьской революции, когда власть буржуазии была свергнута и установлена диктатура пролетариата, Ленин с особой настойчивостью подчеркивал необходимость перехода крестьян от индивидуальной формы обработки земли к общественной. «По-старому хозяйничать нельзя. Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольные граждане на вольной земле, нам все равно неминуема гибель»[1]. «Жить по-старому как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелкими отдельными крестьянскими хозяйствами, дальше продолжаться не может. Вдвое, втрое поднялась бы производиртельность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого общества, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному»[2].

В данное время мы видим собственными глазами, как эти пророческие слова Ленина оправдываются на деле. Вдвое-втрое выше производительность труда в колхозах, чем в индивидуальных хозяйствах, вдвое-втрое сберегается человеческий труд. Однако везде, где Ленин

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 172, изд. 1.
[2] Там же, т. XV, стр. 593.

говорит о необходимости перехода к общественной обработке земли, он указывает, что этот переход не может осуществиться сразу. Потребуется подавить классовое сопротивление кулака и ликвидировать колебания середняка. Середняк согласится перейти к социализму лишь тогда, когда увидит пример или убедится на опыте в выгодности общественной обработки земли. Совершенно понятно, что эта осторожность у середняка вытекает из его двойственной природы. Отчасти он — собственник, отчасти — труженик. Целыми десятилетиями на его спине ездили помещик и буржуа, но, несмотря на это, у него остались еще собственнические интересы. Помочь ему изжить эти собственнические интересы, как указывает Ленин, является одной из основных задач пролетариата. «Конечно, общая обработка», — говорит Ленин, — «вещь трудная; конечно, если бы кто-нибудь вообразил, что такую общую обработку можно сверху постановить и навязывать — это было бы сумашествием, потому что вековая привычка к отдельным хозяйствам сразу исчезнуть не может, потому что тут требуются деньги, требуются приспособления к новым устоям жизни»... «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я — за коммунию (т. е. за коммунизм»)[1].

То, что 11 лет было еще фантазией, в данный момент стало действительностью. На полях Советского Союза работают уже больше чем 140 000 тракторов. Крестьянство — бедняк и середняк — окончательно повернулось к социализму.

Продолжая беспощадную борьбу с правыми, выступающими против высоких темпов развития социалистической промышленности, против колхозов и совхозов, партия и в данный момент ведет беспощадную борьбу с «левыми» загибами, пытающимися проводить коллективизацию административными мерами сверху. Только

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 153, изд. 1.

убеждением, показом на деле, борьбой против кулаков и их влияния в колхозах мы должны завершить коллективизацию.

Если в Советском Союзе — налицо быстрый рост сельского хозяйства и, в результате развития совхозов и колхозов, «Советский Союз превратился в страну самого крупного в мире земледелия», то в капиталистических странах, как мы уже отметили, продолжают свирепствовать кризис и разорение. Буржуазия в САСШ пророчествует, что кривая падения цен на с.-х. продукты будет падать до 1937 г.

Буржуазными учеными и социал-фашистами предлагаются бесчисленные рецепты для оздоровления сельского хозяйства. Следует обратить внимание на следующее предложение. Некоторые мужи буржуазной науки Германии, Румынии и других стран предлагают организовать из индивидуальных крестьянских хозяйств коллективные хозяйства, т. е. организовать «колхозы». Что под этим предложением скрывается грабительская, спекулятивная душа помещика и буржуа,—нетрудно доказать. Поскольку у власти остается буржуазия, поскольку земля и промышленность, транспорт и все богатство страны остаются частной собственностью помещиков и буржуазии, не может быть и речи о социалистических коллективных формах обработки земли. Социалистические, коллективные формы ведения сельского хозяйства невозможны без свержения буржуазии, установления диктатуры пролетариата и образования рабоче-крестьянского правительства, без экспроприации у буржуазии и помещиков промышленных предприятий, транспорта, банков, сырьевых и других источников богатства, конфискации помещичьей, церковной, кабинетской и капиталистически-фермерской земли с национализацией всей земли и т. д. Без этих основных предпосылок не может быть и речи о коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств. Без свержения буржуазии и помещиков и конфискации их земли разговоры о коллективизации — пустой звук, обман крестьянских масс. Такие разговоры — не что иное, как попытка буржуазии отвести глаза рабочим и крестьянам от коренного политического во-

проса, — вопроса о власти, вопроса о свержении диктатуры буржуазии.

Встречаются случаи, когда и некоторые товарищи из компартий в капиталистических странах, увлеченные успехами коллективизации в Советском Союзе, считают возможным организовать колхозы в условиях капиталистического строя. Эти товарищи забыли коренной вопрос нашей классовой борьбы, вопрос о власти. Нельзя насадить социалистические формы без свержения диктатуры буржуазии и без образования рабоче-крестьянского правительства. Это — оппортунизм, подчиняющий классовые интересы пролетариата и крестьянства буржуазии и помещикам.

Только коллективизация в условиях диктатуры пролетариата, при рабоче-крестьянском правительстве освободит крестьянина от каторжного труда, от страданий и бедствий. Каждый крестьянин должен знать, что добиваться своего освобождения от помещичье-капиталистической эксплоатации он может только революционным путем, путем борьбы за свержение власти помещиков и буржуазии с созданием рабоче-крестьянского правительства.

